

Роман Злотников

Михаил Ремер

ИСПРАВЛЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

СПАСТИ
МОСКВУ

Исправленная летопись

Роман ЗЛОТНИКОВ

Спасти Москву

«ЭКСМО»

2015

Злотников Р. В.

Спасти Москву / Р. В. Злотников — «Эксмо»,
2015 — (Исправленная летопись)

ISBN 978-5-699-79316-7

Изменить прошлое – заветная мечта многих... Но если она обретет реальность – не превратится ли в кошмар? Чем же станет жизнь нашего современника, попавшего на Русь XIV века? Николай Сергеевич – простой учитель – не десантник, не военный, не бизнесмен-управленец. Сможет ли он поменять ход истории только с помощью своих знаний и любви к России?

ISBN 978-5-699-79316-7

© Злотников Р. В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Первая часть	6
Вторая часть	20
Третья часть	24
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Роман Злотников, Михаил Ремер
Исправленная летопись.
Книга первая. Спасти Москву

© Злотников Р., Ремер М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Первая часть

Медная монета солнца медленно заваливалась за горизонт, щедро разливая кроваво-красные краски по прямой, словно стрела, просеке и верхушкам деревьев обступившего ее леса. Тишина и покой. Мертвецкие. Безмолвные. Угрожающие. Лишь горестные завывания ветра, понурый шелест листвы да редкие всплески звука колокола наполняли жизнью этот унылый, почти фантастический пейзаж. Николай Сергеевич протер глаза и, потоптавшись на месте, огляделся вокруг, пытаясь сообразить, где это он оказался. Впрочем, не особенно успешно. Просека. Справа и слева окаймленная полосками леса. А в центре – широченная, как взлетная полоса, дорога, словно тараном проломленная посреди леса. Повнимательнее присмотревшись, мужчина сообразил, что таран этот – не что иное, как чья-то конница, ураганом пронесшаяся над землей, сметая все, вставшее на ее пути. В сердце вдруг кольнула холодная игла страха, а по коже пробежали мурашки, хоть и на улице жара стояла будь здоров! Сам не зная зачем, Николай Сергеевич бросился, как ему показалось, вслед армии. Воздух вдруг раскалился, все перед глазами закружилось, и какая-то неведомая сила, вдруг подхватив преподавателя и сорвав его с земли, подняла вверх. Туда, откуда ему как на ладони предстала одновременно ужасная и захватывающая картина: огромная, словно река, конница, неукротимым потоком на всем ходу прорубающая себе дорогу сквозь бескрайний залив дремучего леса. Оставляя за собой клубы плотной, словно дым, пыли да утрамбованную, словно асфальт, землю, конница летела, нацелившись в самое сердце небольшой деревянной крепости.

«Тохтамыш!» – неведомо почему подумал мужчина, рывком направляясь к крепости. Мгновение, и чья-то мощная рука зашвырнула его на верхушку невысокой колоколенки. В мгновение сориентировавшись, гость, обеими руками судорожно ухватившись за веревку, принялся колотить в набат, оповещая окрестности о надвигающейся беде. «Тохтамыш! Орда на Москву идет! Сеча будет!» – буквально болтаясь на языке колокола, орал он безмятежным жителям. Ладони горели от напряжения, глотка разрывалась от крика, пот заливал глаза, вот только никто и голову не поднял. Лишь вокруг собрались несколько бородатых воинов в кольчугах да невысокий седовласый человек в монашеских одеяниях.

– Не вводи смуту, чужеродец, – покачал головой один из бородачей.

– Оно, чем меньше народу знает, тем лучше, – повторил тому другой.

– Изгоном, говоришь? Так и пусть думает, что тайна для всех, – к орущему что-то мужчине негромко, почти ласково по очереди обратились те. Впрочем, он, не слушая никого, продолжал сумасшедше колотить в набат.

Земля вдруг задрожала, а воздух наполнился оглушающим грохотом тысяч копыт. То прямо из лесу вырвалась черная лавина. Смуглые скуластые всадники на приземистых лошаденках, что-то пронзительно выкрикивая, грозно размахивая кривыми саблями, летели на приступ крепости.

– На стены!!! Все!!! Да очнитесь же!!! – уже не обращая внимания на происходящее вокруг, ринулся вниз мужчина. – Пожжет же все!!! – набрав побольше воздуха в грудь, проорал Николай Сергеевич оставшимся за частоколом жителям. Впрочем, те, лишь приметив неприятеля, заметно оживились. Спокойно, без паники те принялись переворачивать телеги, скрывавшие собой ошестинившиеся ежи бревен, готовых встретить и расколоть атаку любой конницы. Из самих телег на землю щедро рассыпались зловещие металлические ежи, а между ними засуетились невесты откуда взявшиеся мальчонки, разматывавшие колючую проволоку.

– Что? – не веря своим глазам, прошептал тот.

– Без тебя не осилили бы, – потряс его кто-то за плечо. Мужчина обернулся, и в ту же самую секунду все расплылось перед глазами, теряя очертания и превращаясь в какую-то бесформенную массу. – Без тебя никак, – продолжал гудеть чей-то голос. Никак нельзя, чтобы...

– А?! – очнувшись, подскочил мужчина. Сердце бешено колотилось, в голове ухало и звенело, а еще не пришедший в сознание Николай Сергеевич озибался по сторонам, пытаясь сообразить, а где это он и кто это потревожил его, столь бесцеремонно вырвав из объятий сна.

Его кресло в краеведческом музее. Прямо перед ним – инсталляция штурма Тохтамышем Москвы, перед которой и задремал преподаватель, а прямо над ним – одна из пожилых преподавательниц. Та самая, что потревожила сон пожилого человека.

– Николай Сергеевич, – робко окликнула та мужчину, – вы напомнить просили про собрание сегодняшнее, – совсем тихо закончила она.

– Собрание? – мало-помалу собираясь с мыслями, наконец пришел в себя тот. – С Бэкаэмом? – Та горестно кивнула. – Что-то там про повышение эффективности, да ведь? – окончательно сообразил тот. – Когда?

– Через пять минут, – негромко отвечала преподавательница.

– Ну так пошли, – встряхнув головой, решительно поднялся на ноги тот. – Испортим настроение высочайшему начальству.

Терпеть Николай Сергеевич не мог такие вот собрания. Ну не лежала душа к ним потому просто, что ничего здесь не решалось в принципе, а народ собирали только для того, чтобы создавать видимость хоть какой-то деятельности. Потому и молодых не приглашали никогда, чтобы вопросов лишних не задавали. Да и в те редкие случаи, когда кто-то все-таки посещал такого рода мероприятия, толку не было никакого. Молчали обычно, уткнувшись в мобильники свои с социальными сетями и болталками бесконечными. Им-то работа эта так, проба пера да запись в трудовой. Собственно, и Николая Сергеевича особенно не звали. Это он уже сам, как танк на баррикады, пер на все эти сборища, чтобы хоть как-то останавливать тот беспредел, что творился в учебном заведении. А так, конечно, лучше в музее посидел бы за экспонатами своими драгоценными. Ну или в мастерской чего смастерил; все толку больше. Так и в этот раз... Как он ожидал, и это собрание ничего путного не принесло. Кроме разве что повода, прооравшись, выплеснуть скопившуюся за неделю грязь на головы оратора и его холуев.

– Коммерциализация, – для пущей убедительности стуча кулаком по столу, выступал Билык. Да так, что, казалось, вот-вот заложит уши от его дребезжащего меццо-сопрано¹ или как там бишь, – вот единственный шанс привлечь новые перспективные кадры, а также сохранить преподавательский коллектив и имидж поставщика самых качественных образовательных услуг в округе! Ком-мер-ци-а-ли-за-ция! – по слогам, так, чтобы запомнили все, отчеканил тот снова. – И речь, обратите внимание, – для пущей убедительности тот ткнул пальцем прямо в сбившихся в кучку перед ним преподавателей, – не о факультативах или прочих мероприятиях, обеспечивающих доступ исключительно учеников к необходимым знаниям, а об использовании потенциала самой школы, ее кадров, площадей и скрытых резервов как основного актива! – Ни дать ни взять – распалившийся князь, держащий вече.

Стильная пурпурная рубашка на запонках, увенчанная у ворота элегантным кашне. Вместо браслета – тяжеловесные часы, а вместо плаща – распахнутый пиджак. Довершали картину собравшиеся княжичи-родственники директора, как-то там оформленные в штате школы, но к ней не имеющие никакого отношения в принципе, если не считать копеечные зарплатные листки для налоговой да служб приставов. С ними же – бюрократы-бояре: завуч да пара замов по части административно-хозяйственной; верные до одури. И такие же бестолковые. Замы одинаково лысые, дерганые, с одинаково остро прочерченными чертами лиц, делавшими их похожими на хорьков, только и ждущих, чего бы тиснуть. Профессиональные жулики с вечно

¹ Меццо-сопрано – женский певческий голос с рабочим диапазоном от ля малой октавы до ля второй октавы. Характерным признаком этого типа голоса является насыщенность, полнота его звучания в «середине» и мягкость, объемность звучания низких (грудных) нот.

бегающими глазками; впрочем, других под Билыком и не водилось. Завуч – самодовольный тип с классической одышкой и фигурным таким пивным животиком, мало чем от хорьков отличавшийся по сути своей вороватой.

Хорьки, настороженно зыря по сторонам, бросали хищные взгляды на сбившихся в беспомощную кучку холопов-преподавателей. Завуч, как отъевший брюхо дьяк, неторопливо поправляя словно бы душащий его галстук и протирая лысину платком, бросал презрительные взгляды на собравшихся. Хорьки, а по скромным меркам Булыцкого – так холуи банальные, как один в строгих деловых костюмах угрожающе-черного цвета с аляпистыми кляксами ярких галстуков, видимо, подобранных одним и тем же незатейливым стилистом-дальтоники. Преподавательницы, среди которых действительно не оказалось ни одной из молодых сотрудниц, – в вязаных кофточках да старомодных блузах, боязливо кутающиеся в шерстяные платки, словно тая под недобрыми взглядами цепных сенбернаров-охранников, медленно-медленно сбивались в некое подобие тевтонского клина², словно щит выставляя вперед Николая Сергеевича Булыцкого, по традиции, ну и по ерепенистому своему характеру, принимавшего в таких ситуациях удар на себя.

– Только лишь задействовав все основные активы, мы сможем привлечь новые, перспективные кадры и совершить качественный рывок в области предоставления специализированных образовательных услуг.

– То есть сейчас услуги некачественные, а мы – активы? – в момент апофеоза бесперомонно перебил директора Булыцкий. – И почему никто не пригласил этих самых новых перспективных? Им разве не нужно знать о том, что они – всего лишь активы? – имея в виду целую группу выпускниц-преподавательниц, этим летом пополнивших изрядно потрепанные ряды преподавательского состава.

– Николай Сергеевич, – пока не сбиваясь с возвышенных тонов, отвлекся директор, – не принимайте все слишком близко к сердцу.

– Да я просто понять пытаюсь, какие такие скрытые резервы? – оглядевшись по сторонам, парировал тот. – И почему среди резервов нет тех самых молодых и перспективных? – также равнодушно закончил он.

– Николай Сергеевич, – возмутился в ответ тот, и тут же, как по команде «Фас», хорьки синхронно усталились на дерзкого старика, – это уже больше похоже на банальное упрямство. – Вторя хорькам, дьяк осуждающе покачал головой: «Мол, нехорошо поступаете, нехорошо». Тут же и родственники, словно проснувшись, запоздало дернулись к своим папкам, выискивая там ручки да книжки записные. Мгновение, и вот они уже, дружно уткнувшись в только им ведомые документы, что-то сосредоточенно пишут, по привычке своей имитируя невероятно бурную деятельность.

– Да я просто хочу понять, что за скрытые резервы такие, – невозмутимо пожал Николай Сергеевич плечами. – Может, эти ваши? – кивком указал он на тут же принявших равнодушные выражения лиц замов.

– Школа богата одаренными учениками и преподавателями, – ладонь директора опустилась на полированную поверхность трибуны, из-за которой тот вещал в «народ», с таким противным шлепком, что даже и холуи директорские, и дьяк, и бояре от неожиданности, как ужаленные, подскочили на своих местах, – энергия и страсть которых должна быть использована во имя перемен и только к лучшему!

– Чего? – презрительный тон Николая Сергеевича разом принизил идиллическую картину, сбив речь выступавшего с высокой риторики вечеревого собрания³ до обычной базарной

² Тевтонский клин – боевой порядок немецких рыцарей (часто называют «свиньей»). «Schweinkopf» (нем.) или «сарут рогсі» (лат.), что означает «голова свиньи». Данное название достаточно точно отражает порядок построения немецких всадников, применявшийся до XVI в. Снаружи конные рыцари, а внутри – пехота: копейщики, ландскнехты, мечники и лучники.

³ Вече (общеславянское; от славянского вѣть – совет) – народное собрание в Древней и средневековой Руси и во всех

перепалки. Надоел Булыцкому цирк этот! За свою жизнь нахлебавшийся достаточно, чтобы не ждать от перемен ничего хорошего, он и пошел-то сюда только по собственному упрямству да по многочисленным просьбам смиренных пожилых преподавательниц, больше похожих на добрых, но замученных фей из какой-то третьесортной сказки. Так сказать, на правах единственного лица мужского пола и характера, имеющего, к слову сказать, веский авторитет.

– Потенциал школы огромен! – попытался реабилитироваться директор – Да, да! Огромный! Вы только представьте себе, что можно организовать из уже имеющихся ресурсов! Оснащение компьютерного класса с легкостью позволит проводить курсы повышения квалификации для секретарей, бухгалтеров и просто организовывать бизнес-тренинги для всех желающих! Перепалкин Вадим Николаевич и еще несколько успешных бизнесменов нашего города, – продолжал вещать тот, – с удовольствием поделится опытом эффективной предпринимательской деятельности со своими коллегами по цеху! – все больше и больше распалялся оратор. – Вы только представьте себе, – Билык снова вошел в раж, и сбить его с волны теперь мог только какой-нибудь казус, обязательно гнусного характера, – какую роль наше учебное заведение может сыграть в повышении культуры предпринимательства города! На базе школы наиболее продвинутые бизнесмены смогут запросто организовать полигон для гармоничного обмена опытом! На базе школы мы сможем создать эффективный бизнес-центр, и теперь уже не будет необходимости ездить в Москву для прохождения обучения. Зачем?! Обучиться можно будет и здесь! И это – совсем скоро!

– А чем сейчас плохо? – не вставая с места, злобно поинтересовался Булыцкий. – Потенциал не используется, да?

– Используется, – с готовностью кивнул Билык. Ну ни дать ни взять болванчик из табакерки. Не почувствовав подвоха, он с жаром продолжил: – Но используется он, скажем прямо, бесхозяйственно! Свадьбы и юбилеи в школьной столовой – раз! – воодушевленно оттопырил тот большой палец. – Аренда спортзала сторонними организациями в свободное от занятий время – два! Факультативные занятия по изучению иностранных языков всеми желающими, ведут которые – и даже сейчас, – он многозначительно посмотрел на оппонента, – те самые молодые и перспективные, которые чем-то ухитрились вам не угодить. Три! Аренда актового зала под семинары и тренинги всем желающим. Четыре! – выпалил директор, торжествуя оглядывая поникших подчиненных. – Но что это? – он торжествуя посмотрел над головами почтительно притихших преподавательниц.

– Фарцовка, – презрительно фыркнул в ответ Булыцкий, снова сбавив тон с пафосного на более спокойный. – Сажали за это недавно, – как бы между прочим добавил он, буквально втаптывая оппонента в грязь.

– Николай Сергеевич, не утрируйте! Всем известно ваше отношение к передовым идеям, – покраснел его оппонент, сбитый на землю таким грубым маневром. Билык Константин Максимович (а в кулуарах просто – БКМ) – директор общеобразовательной школы и по совместительству – преуспевающий бизнесмен Красноармейска. Один из тех, кого на Руси Древней называли коротко и емко: шельма. Уже и байка появилась, что, мол, если Бэкаэм чем-то заинтересовался, то, значит, жди: скоро родственники править придут. И точно, бросая победоносные взгляды на сгрудившихся преподавателей, те, забыв про свои записи и довольные о чем-то перешептываясь, гаденько посмеивались, словно школьники-сорванцы, строящие «kozy» за спиной строгого преподавателя. Трое из них Булыцкому незнакомы, а вот в четвертом признал он владельца местной антикварной лавки, уже не единожды навещавшего его краеведческий музей.

– Передовой идеей была мастерская по производству валенок! А еще – мастерская по ремонту предметов старины и школьный краеведческий музей, где всех желающих могли обучить древним ремеслам! – гаркнул в ответ тот, мечта молнии то в Бэкаэма, то в его холуев. – Что стало с ними?!

– Не начинайте, Николай Сергеевич! – поняв, что совершил оплошность, поморщился директор, но было уже поздно. Булыцкого понесло.

– Это вы не начинайте! – поднявшись на ноги, ринулся он в атаку. – Я два года инструмент собирал! По крупичкам! Я своими руками оснастку ладил! Сколько инстанций прошел, кто помнит?! Сколько порогов обил, а?! – набирая обороты, распалялся преподаватель. – Ставку вторую взял, чтобы кабинет под мастерскую переоформить да сырье закупить! Кто-нибудь помнит?! С мальцами по вечерам сидел да ремеслу обучался с ними вместе! Что, плохо было?!

– Никто не пытается с вами спорить, – попытался сдать назад чиновник, понимая, что себе дороже будет вступать в эту в общем-то заведомо проигрышную дискуссию.

– И не спорьте! – взвился в ответ тот. – Мальцам наука была, раз! – для наглядности начал он загибать пальцы. – Из моих по дворам с пьянью никто не шастал, два! Валенки какие были; дачники, вон, нарасхват разметали, три! А как девочки догадались их цветастыми делать, так из Москвы приезжать начали! А станок прядильный нашли да сюда привезли! Девочки, вон, мастер-классы, или как их там, по ткацкому делу организовали! И что?

– Николай Сергеевич... – попытался вставить слово один из хорьков, но, напорвшись на яростный взгляд преподавателя, предпочел стушеваться и быстро заткнуться.

– Что ни делегация высокая, так обязательно к нам в школу; милости, мол, просим! Мы историю свою чтим и изучаем! – не унимался между тем Николай Сергеевич. – Компьютерный ваш класс никто почему-то снимать не приезжал! А музей мой, вон, по Центральному телевидению показывали!

– Так никто ничего и не отбирает, – не выдержав тираду, поднялся с места тот самый родственник – хозяин антикварной лавки. – Просто в специально оборудованном помещении станок и прочие товары старины будут в большей сохранности, чем в, прямо скажем, проходном дворе школьного подсобного кабинета, – словно бы подтверждая затертую до дыр пословицу про горящую шапку, важно закончил тот.

– Вот под опись нотариальную, может, и отдам! И то подумаю!

– Ну к чему такая формалистика, – обиженно насутился родственник. – Мы же как лучше хотим.

– Как лучше? – снова взвился Булыцкий. – Кто мне поисковый отряд помогать оформить, а? Или хоть копейку на экипировку и миноискатель выделил, а? Кто там хотел как лучше?! – передразнил он родственника. – Или журнал регистрации входящих и исходящих писем показать?! Отказано! Выделение средств из бюджетов не является целесообразным! Или вообще без ответа! Это тоже ваше «как лучше»?

– Ну что вы как маленький, ей-богу, – снова протянул тот. – Поисковые работы связаны с повышенным риском для ребят. Травмы, раны, угрозы для здоровья и психики...

– А я, наверное, зря трудовик, да?! А кто тут всех первую медицинскую помощь оказывать учит, а? А на каникулах кто первый в «Скорую помощь» добровольцем уходит; хоть на подхвате, а все равно не теоретик, по стенгазетам учившийся! Да у вас на всю школу два человека, которые помощь могут квалифицированную оказать: я да Леха Спиридонов!

– Не кипятитесь, Николай Сергеевич, – попытался остановить его встрявший в разговор Бэкаэм.

– И кто мне манекен обещал для обучения, а? Пусть хоть простой самый, не медицинский! Хоть какой-то! Уже второй год пороги обиваю, – нащупав очередную болевую точку, ринулся в атаку тот.

– Зачем вам он? – поняв, что вляпался, Бэкаэм лишь беспомощно развел руками. – Наша школа – признанный лидер. За год – ни одного происшествия...

– Ну и слава богу, что никаких! – снова рубанул тот. – А случись что, не дай бог? А меня со Спиридонычем не окажется рядом?! Что делать будете?

– Бессистемные поиски, – высокомерно встрял родственник, – нарушают культурные слои и мешают будущим археологам, лишая их возможности...

– А может, вас без хабара оставляют?! – буквально ринулся в атаку на того преподаватель. – А то я смотрю, по лесам блиндажей да окопов вскрытых немерено! А в вашей лавке, я смотрю, не переводятся медали да скарб тех годов! Уж не из них ли, а?

– Простите, но я продолжать полемику в таком тоне не собираюсь, – с чувством оскорбленного достоинства родственник распрощался с коллегами и, не удосужив своим вниманием ни разбитого Бэкаэма, ни поникших хорьков, ни оторопевшего дьяка, важно двинулся прочь из актового зала.

– А цепа с серпами?! – в спину ему проорал Николай Сергеевич, да так, что тот, вжав голову в шею и прибавив ходу, засеменил к двери. – А исторические находки?! Кому плохо?! Школе? Так школа с того получала! И музей краеведческий для мальцов – наука! И по деревням походы! И миноискатель! И археологические экспедиции с привлечением известных ученых и исследователей! Вон за лето сколько насобирали! А докладов сколько на форумах от наших учеников-то! А грантов! И открытия, пусть и мелкие! И монеты, и гвозди, и клинки в музей!!! И прибыль какая-никакая! И по телевизору показывали! – он безжалостно добивал позорно тикающего с поля брани оппонента. – И не разовые-то акции были!!! Каждое лето!!!

– Администрацию родители жалобами забросали, – поняв, что его защита рухнула, и за себя, и за родственника попытался оправдываться Бэкаэм. – Мальчики очень уставали.

– Так и силой их никто не тащил ни в мастерскую, ни в походы; сами приходили! А неблагополучных среди них сколько было, кто считал?! Тех, на которых сладу до этого никакого не было?! Так шли! Занимались! Учились! Деньги какие-никакие, но домой несли! А тетешкался я с ними, как со своими! Уму-разуму учил! Это кто помнит?! Только у меня эти неблагополучные с остальными дружки водили. Вон, если надо, друг за дружку горой шли! Где такое еще было, а? А то что уgomонились?! Вон, участковый, пока мастерская в школе была, и звать их как позабыл! А как в походы я их уводил, так на радостях всей администрацией помогали собираться; кто харч приносил, кто транспорт выбивал по линиям своим служебным!

А компьютерный класс на какие шиши обновили, а? А этот ваш, как его там? Ин-тер-нет... А ведь отобрали! И мастерскую оттяпать хотят! И этот на экспонаты, вон, – кивнул тот вслед громыхнувшему дверью родственнику, – пялиться повадился шастать! Уже и клиентов водить начал, пес!

– Экспонаты, Николай Сергеевич, не имеют никакой исторической ценности, – лысеющая голова родственника на секунду выглянула из-за двери, но тут же исчезла, напоровшись на яростный взгляд.

– Школа – не коммерческое учреждение и не ставит целью получение прибыли...

– Ну так и не пойте мне про ком-мер-ци-а-ли-за-ци-ю! – словно сплюнув, по слогам проорал тот ненавистное слово, да так, что, казалось, в зале задрожали стекла. – Коммерсанты, тоже мне, – чувствуя острую нехватку воздуха, сбавил обороты пожилой человек.

– Какое это имеет отношение к коммерциализации?! – попытался возразить Бэкаэм, попятившись назад, за спины вдруг ставших такими маленькими родственников, бояр и прочих холуев. Впрочем, те, засуетившись, быстренько похватав папочки да сумочки, по одному утекли прочь из зала, оставив своего покровителя наедине с разъяренным преподавателем. – Коммерциализация здесь при чем? – уже совсем жалобно, словно прося пощады, проканючил директор, но тут же пожалел.

– Так то у родственничка своего спросите! У уважаемого Вадима Николаевича! Он же теперь эффективный предприниматель! – картинно поклонился он пустующему теперь стулу. – И мастерская теперь его, и работают там вместо школьников гости из бывшего Союза! И управляющий барином ходит! Валенки нынче в моде! Особенно наши – девочки, вон, разукрасили, всякими блестинками пообклеили, так и покупателей сразу орава! – превозмогая боль, снова завелся он. – А как дело пошло, так и у предпринимателей ваших глаза загорелись! Теперь это авторские валенки по ценам по бешеным! Вон стоянка, что выставка; что ни машина – так джип, как рояль, блестящий!!! Кому мастерская мешала моя?! Почему задарма отдали?! – Все. Дыхание сбилось, и перед глазами потемнело. Тело разом налилось свинцовой тяжестью, и пожилой человек без сил опустился на стул.

– Но вам же объявлена официальная благодарность от администрации, – беспомощно озираясь по сторонам, словно ища защиты у присутствующих, залопотал разбитый в пух и прах Билык. Впрочем, бесполезно. Бабушки, потупив взоры, разглядывали собственную обувь да спинки кресел впереди сидящих. – И ценный подарок, – уже совсем некстати брякнул он.

– Нужна мне ваша игрушка, – со злобой прошипел в ответ тот, откидываясь на спинку стула. – Сдался мне ваш айфон. Скажи спасибо, что прямо там об бошку не разбил этому, – тяжело дыша, прохрипел Булыцкий, – как его, эффективному бизнесмену, – снова зло посмотрел он на стул, где еще совсем недавно восседал тот самый борзый молодец, что собирался эффективно обменивать опыт на что-то там еще.

– Кто-нибудь, дайте валокордин! Откройте окна! – забил тревогу Бэкаэм, видя состояние Булыцкого. – Да не суетитесь вы! Разойдитесь! И не охайте! «Скорую» кто-нибудь вызовите! – при всех своих недостатках директор отличался поразительной способностью в критических ситуациях моментально мобилизовываться, беря управление в свои руки, и живо разруливать все на свете, попутно заминая неприятные разговоры.

– Да какая, к черту, «Скорая», – когда первый приступ прошел, отмахнулся от всех Николай Сергеевич. – Окно откройте. Да не фрамугу, говорю, окно! – Паника улеглась, и теперь все действовали четко по указаниям Николая Сергеевича. – У меня внизу сумка, там – таблетки. Черная тряпичная. Сюда ее. Вот ключи.

– Марья Сергеевна, накапайте корвалола! У кого валокордин? Живо, живо! Да откройте кто-нибудь это чертово окно! – тут же распорядился БКМ. В последнее время у него, похоже, и без того земля под ногами горела, а тут еще и преподаватель, на нервной почве богу душу отдавший, ему ну совсем некстати был, оттого и суету навел такую.

У Булыцкого в руках тут же возник стаканчик, который тот машинально опрокинул в рот. По горлу растеклась знакомо-обжигающая микстура. Тут уже и сумку притащили, и он, порывшись, извлек упаковку с горошинами нитроглицерина. Поморщившись, преподаватель забросил под язык пару таблеток.

– Да вы прилягте, прилягте, – пока все метались, директор, оказывается, распорядился сдвинуть стулья актового зала так, чтобы организовать лежачее место.

– Да уйди ты! – прошипел он на Бэкаэма, обмахивающего его, словно тренер боксера, полотенцем.

– И рот закройте, – оборвал директор. – Пока лицо не порозовеет, вы – в моей власти.

– Спасибо, – уже без злобы отвечал тот. Пешка он, хоть и директор. Хоть и родственников подтащил всех кого мог, введя, по сути, круговую поруку, а все равно – пешка. И если Николай Сергеевич мог позволить себе побушевать, выражая точку зрения, наперед зная, что ничего ему не сделают, – ну где вы найдете преподавателя труда и истории, да еще и классного руководителя в одном лице?! – то его оппоненту приходилось в буквальном смысле слова балансировать на лезвии ножа; чуть что не так, так и прощай и рубашка на запонках, и должность, и родственники при делах, и прочие прелести тяжкого, но сладкого бремени. И все его махинации, с рук сходявшие до сих пор, тут же припомнятся, а Бэкаэму ох как этого не хотелось! От

этих мыслей сердце снова зашлось нервным боем, и Булыцкий поспешил расслабиться, буквально силой заставив себя вспомнить дурацкую песенку: «Don't worry, be happy». И хоть слов не знал, а все равно грела она ему душу так, что всегда легче становилось. Намного. Так же, как и в этот раз.

Приступ прошел, оставив слабость во всем теле. Едва поняв, что все утряслось, Бэкаэм растворился, оставив преподавательниц хлопотать над коллегой. Впрочем, пожилой человек, едва почувствовав себя лучше, отправил их всех восвояси: все равно толку от них никакого; суета одна, раздражающая только. Домой не хотелось. Совсем. Что делать там обозленному одинокому пожилому человеку предпенсионного возраста? Пить только если. Безбожно и нещадно. Нет, так не годилось. Поэтому, почувствовав себя нормально, он отправился в музей свой, по дороге заглянув в подсобку к Лехе. Уже там, в окружении экспонатов, распаковали дешевый магазинный рулетик и пачку сока с горделивой надписью: «Береги сердце».

– Сожрут они тебя, – с горечью сплюнул на пол Спиридоныч.

– Подавятся, – зло отвечал Булыцкий.

– И не таких жрали, – поднявшись на ноги, он подошел к столу и со злостью громыхнул по кнопке чайника, словно бы она оказалась виновницей всех его бед. Тот отозвался недовольным гудением потревоженной нагревателем воды. – Все равно по документам не оформлено это как музей!

– Не украдут же.

– Не украдут, – чуть подумав, согласился тот. – Полет не тот. Но по документам грамотно выведут. Так, что еще и тебя, не дай бог, крайним сделают. Тут – он задумчиво подошел к горделиво возвышающейся посреди кабинета миниатюре в масштабе штурма Тохтамышем⁴ Москвы⁵ (тоже, кстати, дело рук учеников Булыцкого), – как в штурме этом: не силой, так обманом.

– Псы, – зло процедил тот. – Зинку мою так в могилу и свели, – насупился он, вспомнив покойную супругу. – Одна осталась сердобольная на всю администрацию. Вот и затюкали! До инсульта довели. Даже похоронить нормально и то не вышло; хоть бы отпели по-людски да службу отслужили, а то все бегом, впопыхах, – вспомнил, каким ударом тогда оказалась для всех смерть Зинаиды Иосифовны. Сам Булыцкий, затюканный и едва не сломленный всеми свалившимися на него до того бедами, просто ушел в запой, окончательно надорвав и без того расшатавшееся здоровье, и всем занимались сыновья. А те, воспитанные в духе комсомола, как-то не озаботились церковными процедурами. Вот за это сейчас и грызла Булыцкого совесть больше всего.

– Как квартиры в том доме для интернатовских, так и с музеем вашим, – осторожно вставил Леха. – Вон, Мурзаеву все как товар. Это для вас с ребятами – экспонат такого-то века. находка. А для него – антиквариат, который впарить кому-то можно. Хабар⁶. Он спит и видит, как шильдик с описанием на ценник сменит.

– Слушай, Спиридоныч, – ожил вдруг Николай Сергеевич. – А давай это, да как пособие учебное оформим?! Чтобы как положено все было: номер инвентарный, по документам проведено. Ты, это, с девчонками из бухгалтерии перетолкуй! Тебе точно не откажут!

– А Мурзаеву с Бэкаэмом что с того? Спишут же по остаточной стоимости! Долго, что ли?

– Так хоть повозятся!

⁴ Тохтамыш – хан Золотой Орды в 1380–1395 годах, хан Тюменского ханства с 1400 года, один из потомков Джучи, старшего сына Чингисхана. Ставленник Тамерлана в Золотой Орде.

⁵ Поход на Москву – имеется в виду поход Тохтамыша на Москву 1382 года.

⁶ Хабар – барыши, нажива или взятка.

– И то верно, – чуть подумав, согласился тот. – Сергеич, – чуть помолчав, посмотрел на товарища физрук, – ты же уходить не собираешься?

– Ну шас! – фыркнул он в ответ. – Или глаза намозолил, аж немоготу?

– Смеешься, что ли? Мне тут одному оставаться – совсем тоска будет смертная! С тобой хоть какая-то жизнь.

– А потому, что сам вечно прячешься; какая тебе жизнь?! Чего не пришел на собрание?! – набычившись, Николай Сергеевич уставился на товарища.

– Стар стал, – тот сразу же поник, уставившись на носки древних кроссовок.

– А вот потому и жрут, что все поодиночке, – зло бросил Булыцкий. – Уж давно и веков столько прошло, а ничего не поменялось. Все равно все порознь. Каждый сам по себе, да в дела чужие нос не кажет. Вот такие, как Бэкаэм, и лютуют!

– Отдохнуть не желаешь? – перевел тему в другое русло тот.

– Отдохнуть? Еще чего! Вас тут одних оставить – все равно что родственнику лично подарить все экспонаты.

– Прав ты, – угрюмо согласился Леха.

– Умные все, как после драки кулаками махать. Прав ты, – передразнил Булыцкий товарища своего. – На собрание бы пришел и сказал.

– Это тебе с рук все сходит, а остальным?! А случись чего, и я – на свалке, – снова сплюнул тот. – Это ты хоть на завод, хоть в «Скорую помощь» или вон в музей. А мне куда? Сторожем на стоянку? А жене на какие шиши лекарства купить?

– Тьфу ты! – раздосадованно махнул рукой в ответ тот. – И жизнь собачья, и сами собачимся, а потом все удивляемся: чего неладно все так-то? Не брошу я тебя, Леха, – помолчав, добавил он. – Не уйду я на пенсию, не бойся ты так.

– Спасибо тебе, Сергеич, – растроганно отвечал физрук.

– Расплачусь сейчас, – проворчал в ответ тот. Потом, подумав, добавил: – Но приглашения не ждите! Один отдохнуть хочу.

– Так мы, по правде сказать, коллективом решили... Ну не отпраздновать, – замялся Алексей в поисках нужного слова, – а отметить это знаменательное событие, что ли. Юбилей такой, он, Сергеич, только один раз в жизни бывает.

– Ага, знаменательное, – проворчал в ответ тот. – Нет уж, спасибо! Как-нибудь обойдусь.

– Но мы тут подготовили кое-чего: стол, программа. Сувенир... – неуверенно продолжал тот.

– Еще один айфон? Так есть у меня уже один... Ценный подарок, чтоб его!

– Шутишь, что ли? – физрук подпрыгнул от неожиданности. – Откуда такие деньги? Ну так как? – чуть подумав, добавил он.

– Слушай, Леха, – зашипел тот. – Я же как человек хотел: по-хорошему. Манатки собрать и день на рыбалке провести. А вечером в баньку. И самогоночки тяпнуть холодненькой да с огурчиком хрустящим! Да с внуками потетешкаться. Как человек, понимаешь ты это?! Как человек!

– Так и мы ж как люди, – с жаром принялся утешать тот. – По-хорошему. Курам ведь на смех, если не отметить. Мы уже и программу подготовили, и стенгазету... Силами и руками ветеранов школы. Опять же, Сергеич, перед учениками некрасиво получается. Они тоже сюрприз приготовили. Ну, Сергеич!

– А может, в другой день, а?

– Тут Бэкаэм телевизионщиков пригласил, – потупившись, покраснел Леха. – Просил очень с тобой поговорить.

– Ах ты, Иуда! – в сердцах сплюнул Булыцкий. – Так вот ты как?! – волна ярости снова захлестнула, аж в глазах потемнело. – Я-то, дурак, думал, они на самом деле устроить решили вечеринку. А они как обычно – под дудки пляшут чужие! Шельмы!

– Да ни при чем он здесь! – яростно принялся оправдываться физрук. – Мы сами хотели, без него. Без официоза. Так ты сам знаешь, стукачей хватает. Пронюхал, зараза, ведь!

– Хватает, – так же внезапно успокоился преподаватель. Чего он в самом-то деле взъелся? Как будто не знал, как оно все тут... – Показушники, – прошипел лишь он. – Давай еще этого, родственника пригласим, – усмехнулся он.

– Его-то зачем?

– Ну пусть его снимают. В музее моем. Он счастлив будет!

– Да сдался тебе этот бандюга!

– Мне? Нет, – тот равнодушно пожал плечами. – Ему приятно. Пусть порадуется пилуле сладкой. Ему же тачку на днях спалили, – усмехнулся Николай Сергеевич. – А до этого сколько раз гопали? Мои же бывшие, – горько усмехнулся Булыцкий. – Как без дела остались, так и снова вразнос пошли. Вон, участковый уже горькую пить приходил. Все плакался: так, мол, хорошо было. А теперь...

– По делам воздастся вашим! – подняв указательный палец, наставительно отвечал Леха.

– Да что-то слабо верится.

– Верится или нет, так все равно. Должна же быть в мире этом справедливость.

– Справедливость – только в булгаковских сказках. И та – один раз в тысячу лет.

– Так договорились? – робко поинтересовался физрук.

– Куда от вас денешься-то? – вздохнул тот, глядя на реконструкцию. – Все! Баста! По домам. Мне на дачу завтра. Для вас, троглодитов, принести чего-нибудь к столу.

– Чувствуешь себя как? Сам домой дойдешь?

– Что, проводить хочешь? Лет на двадцать бы раньше предложил, так я бы подумал. А так, прости.

– Да ну тебя! – разозлился Леха. – Все, я пошел. Пока.

– Удачи.

Всю ночь не спалось Николаю Сергеевичу. Все кошмары мучали: Бэкаэм в шелковых нарядах, ведущий в бой армию родственников. Яростный штурм отгородившейся от всего мира деревянным частоколом крепости, внутри которой сам Булыцкий почему-то вдруг оказался. И то, словно наперед зная, куда ломанется армия родственников, преподаватель каким-то неведомым образом перераспределяет силы защитников крепости, подсказывая, поучая и советуя. И так и сяк ворочался преподаватель; капли успокаивающие даже принял, да без толку все! Вновь и вновь штурм ему этот проклятуший снился!

Утро, как и ночь, не задалось: сначала «ценный подарок» забарахлил. Сеть то видел, то не видел. Ладно, бывает – в районе, где жил Николай Сергеевич, со связью всегда беда была. Потом погода испортилась, с минус шести в плюс укатившись, да так, что воздух, отсырев, наполнился плотной-плотной дымкой.

– А может, ну его? – призадумался без пяти минут пенсионер. Идти не хотелось вообще никуда. В такую-то слякоть! Хотя, с другой стороны, после вчерашнего обострения да после ночи беспокойной этой проветриться надо было всяко. Вон, до сих пор колотило со злобы. Оно бы, конечно, на лыжах прокатиться, да не уверен был мужчина, что сердце такую нагрузку выдержит. Потому и решил, что прогуляется на дачу. Там, если что, сыновьям позвонит. Заберут, если потребуется. Уже собираясь, прикинул: а может, не стоит так тепло одеваться? Оно, конечно, если бы вчерашняя погода осталась, так и ладно. А тут и упреть недолго. Впрочем, подумав, решил он, что пропотеть лучше, чем померзнуть на фиг, тем более что погода вон как переменялась. Кто знает, как оно там дальше пойдет?

По лесу топая мерно, пришел он таки в себя. Успокоился, воздуху лесного полной грудью вдохнув. Аж так ему хорошо стало, что голова закружилась! Да так, что пришлось под елью раскидистой на пару минут остановиться, передохнуть. А там и сообразил, что с пути сбился.

На радостях, что ли?! Еще с час потерял, по лесу плутая. Тут, правда, айфон спас: нащупал он таки связь и навигатором вывел пожилого человека прямо к улице знакомой.

Уже там, в домике своем дачном, обнаружил он следы аккуратного, но беспощадного налета на погребок. Почти все банки с разносолами исчезли. Разом. Ну за исключением забившихся в самые углы. По всему видно было, что здесь уже побывал кто-то из сыновей, а не зачистившие в поселок бомжи; аккуратно, без стекол разбитых да замков свороченных. Пашка же, вон, собирался заехать да банки позабирать, чтобы не померзли.

Чертыхнувшись, Булыцкий сообразил, что по-хорошему надо было бы сыновьям отзвониться, прежде чем идти на дачу. Впрочем, и это мало что изменило бы; разве что рюкзак бы взял из дома небольшой, а так придется с полупустым дачным баулом тащиться. А в остальном... Все равно Николаю Сергеевичу надо было погулять. Таблетки и капли, конечно, здорово, но пользу от прогулок таких он, перепробовавший уже, казалось, все на свете от медикаментов и йоги до медитаций и методик Норбекова, оценил давно.

– Вот зараза, – выругался хозяин, – хоть бы предупредили!

Выругался, впрочем, больше для порядка. Без злобы.

В полумрак погреба выплеснулся зыбкий свет жидкокристаллического монитора – Булыцкий достал подаренный айфон.

– Да чтоб тебя! – раздосадованно проворчал пожилой человек. – Ценный подарок, блин! Толку-то от него! – зло глядя на монитор, снова показывающий отсутствие сети, прошипел он. Никогда его древний «кирпич» здесь не глючил, и связь всегда была устойчивая. Тем более что и вышку вlepили недалеко совсем новую. Чего этот космический корабль тупит-то? Может, в погребке потому что?

Николай Сергеевич выкарабкался наружу и подошел к окну, надеясь, что там его телефон поймает сеть, но тот лишь беспомощно показывал, что связи нет...

– Ценный подарок, – снова проворчал Булыцкий, с наслаждением представляя, как с размаху разбивает его о черепушку того самого успешного предпринимателя, который отжал у него школьную мастерскую. – Ох и мать моя! – подняв глаза, пробормотал пожилой человек, и было отчего.

Облака поднялись выше. Намного. Так, что уже и клоки пронзительно-голубого неба проклюнулись сквозь мохнатые их брюхи, а иногда можно было разглядеть зыбкий силуэт солнечного диска. Усилившийся ветер разорвал в клочья, разметал прочь утреннюю дымку, вместо нее принес миллиарды острых, как осколки стекла, снежинок. Да, обратно стоило поторопливаться, если, конечно, не собирался оставаться здесь на ночь. Вот дернуло его согласиться на проведение этого никому (и ему в первую очередь) не нужного юбилея!

Вообще-то следовало бы отказаться. Вежливо, но жестко. Ну не лежала у Булыцкого душа ко всем этим празднованиям и отмечаниям. Тем более в таком кругу. Нет, конечно, против коллег своих лично он не имел ничего; в конце-то концов не один пуд соли вместе сожрали. Хорошие все они люди. Ну за редкими исключениями. И шумел он не со злобы, а больше, конечно, за правду-матку да для виду. Ну за исключением, конечно, таких вот эпизодов, как последний. Там, понятное дело, – на всю катушку и от души.

Удручала просто сама перспектива выслушивать стандартные тосты, запивая быстрорастворимым кофе и заедая все это набившей оскомины «Чародейкой». И все это еще и на камеру! Еще и с Бэкамом за столом одним. Бред! Хотя, конечно, и польза от директора тут быть могла чисто меркантильная: может, стол поприличнее накроет. Событие как-никак, да еще и для телевизора; ну никак нельзя тут было в грязь лицом! Но как же не хотел Николай Сергеевич этого юбилея! Не хотел, и все тут!

Нет, был когда помоложе, сам закатывал такие пирушки – мама не горюй! Одно время даже и перебивался тем, что тамадил на свадьбах, когда совсем лютые времена были. Ничего. Пережили и их. Потом вроде налаживаться стало. Сыновья в столице один за другим осели

на работах приличных, у него у самого все худо-бедно устаканилось да в гору помаленьку поползло. Хотя бы история с валенками этими треклятыми!

Оно сперва вроде как забава для мальцов была. И как факультатив. И как времяпровождение для сложных. Тех, кому предыдущий еще директор прочил блестящую карьеру... на нарах. А вот Булыцкий всем наперекор углядел в них что-то такое, что заставило заняться этими парнями поплотнее. Углядел да привлекать начал к делам своим. А потом Зинаида, царство ей небесное, в администрацию устроилась; субсидии какие-то там выбивать мужу начала, бонусы какие-то, а то и просто информацию полезную. И закрутилось-завертелось! И старикам отрада, и пацаны при деле, и даже в люди кое-кто из сложных повыбился. А вот потом...

А потом и посыпалось все к едреной фене. Сначала дом этот треклятый с квартирами. Зинаида, блаженная душа, все по закону; дескать, интернатовцам надо что-то, многодетным, льготникам. А тут – очередь из прибранных да избранных на нее толпой всей. И всем – квартиры. А тут – начальница предпенсионного возраста посмела возразить что-то. И так ее уговаривали, и эдак, а она – ни в какую. В общем, когда поняли, что не угомонится старушка, гнобить начали обеих. И мастерскую у мужа отобрали, пардон, коммерциализировали, и с работы обеих чуть не поперли, и письмами закидали; мол, оптимизация! Мол, урезается ваша ставка на тридцать процентов, а не нравится – так милости просим на выход. У нас вон молодые да некормленные родственники на места ваши метят. И с должности поперли Зинаиду, а начальницами вдруг у нее стали дурочки – вчерашние выпускницы не бог весть каких вузов. Безмозглые, беспринципные, но быстрые да с самомнением зашкаливающим; оттого и управляемые донельзя. В общем, не выдержала она; сама написала заявление. А потом – бесконечные переживания: «А как же так-то?! Ведь по закону должно быть!» Какие-то письма открытые, хамство чиновников в ответ... два инсульта за полгода, и не стало Зинаиды. Да и сам Булыцкий постарел лет на десять, да и веру потерял. Хотя незадолго до этого крестился даже. Думал, может, крест невзгоды одолеет, но нет. Не помог. Вот и запил с тоски тогда. Лехе-физруку спасибо: помогал чем мог и даже в самые лютые времена поддерживал как умел. А потом разом улеглось все, словно бы и не было ничего.

– Эх, Зинка, Зинка, – тяжело вздохнул Булыцкий, беря со стола фотку покойной супруги. – Пойдем-ка домой, – нагледевшись на портрет грустной женщины и смахнув скатившуюся по небритой щеке слезу, тяжело вздохнул он и, поднявшись на ноги, начал собирать оставшийся скраб.

До весны визитов на дачу не планировалось, поэтому следовало забрать остатки из домика. То, что забыли или не захватили сыновья. Оно бы, конечно, правильнее было подождать до завтрашнего дня и доехать сюда на машине с «малыми», как он называл сыновей. Ну или коль скоро, по обыкновению своему хоть печь растопить да остаться до утра в тепле, поджидая, когда появится сеть, чтобы дозвониться до Пашки или до Вадьки, чтобы те заехали и забрали его. Может, даже сегодня вечером... Вот только связи все не было и не было. Что ж, остаться все-таки до утра? Или до председателя дойти товарищества дачного? У него-то точно со связью все в порядке быть должно. Там и до сыновей дозвониться. Хотя нет... Председатель – та еще жила. Телефон даст, но и плешь проест, и настроение попортит окончательно. Оно ведь и после вчерашней перепалки не особенно хорошим было. Злой, раздражительный. Нет, в таком состоянии не годилось ни с кем общаться, а тем более с близкими. По опыту знал Булыцкий это. Да и родственники тоже накрепко на носу зарубили. Оно, конечно, правильно говорится: сор из избы, а не в нее тащи, да вот такой вот человек Николай Сергеевич, что если не так что-то, то всем достанется.

А вот по лесу погулять, оно никогда худо не было. Такие прогулки расслабляли. Особенно раньше, когда древний «Зенит» еще не был столь тяжел, а сменные объективы не отягощали настолько. Часами мог наблюдать молодой тогда мужчина за белкой какой-то или любой другой живностью, ловя кадр, да домой возвращаясь уставшим, но довольным. А сейчас разве что

на прогулку сил хватало от дачи домой. Но и то хорошо. Не всякому в его возрасте и такие давались прогулки. Уже только за одно это благодарен он был. Ну и, по правде говоря, за айфон. Все-таки камера там как ни крути, но будь здоров. И это успел уже оценить преподаватель.

А еще благодарен за то, что каждый сезон с весны ранней и до осени сил хватало, чтобы возделывать землю и засаживать пять соток ненавистой ему картошкой. А почему возился – так потому, что понимал: как бросит он занятие это, так совсем двигаться перестанет, а там все: пиши пропало. Ведь уж почто в школе работа нервная, да все равно по большей части сидячая. А в последнее время еще и особенно крикучая. А здесь, как ишак, взвалив рюкзак на спину, снова и снова брел через лес знакомой до боли дорогой, чтобы, наковырявшись в земле да облившись ледяной водой, остаться на ночь или двинуть обратно домой.

Хотя, конечно, чего там таить; уже и привык он к такому режиму, и по-другому как-то и не умел время свободное проводить: либо в школе, либо на даче. Да и применение картофелю тому широкое в семье Булыцких. И Зинаида покойная маски все делала хитрые свои; так и выглядела моложе лет своих. Настолько, что завидовали втихаря ее более юные коллеги. И Николай Сергеевич, вечный язвенник, без него уже как-то не мог, и сыновья, вечные жертвы фастфудов, приезжали отпаиваться соком картофельным. Это уже не говоря про мелочи всякие досадные типа ожогов... Да и во время годов лютых за счет огородика того и выезжали на картошке; Зинка, царство ей небесное, уж почто мастерица была! Рецептов – миллион! И в мундирах, и жареная, и с зеленью, и так, и сая! Бывало, месяцами, кроме картошки с капустой да хлебом черным, и не видели ничего на столе! И пережили ведь! Хотя стоило ли?

– Вот и дожили, – тяжело вздохнул он. – Экспонатом музейным стал. Как диковину какую-то по телевизору показывают, когда гости высокие понаедут. Заслуженный учитель, грамот почетных пачки, благодарностей коробки, а что с того-то? Оно понятно: всем тяжело сейчас, – обращаясь к фотографии своей супруги, продолжал он свой монолог. – Да обидно до желчи. Оно как раньше нас воспитывали: человек – строитель великого будущего! Строитель! И верили! Рвали, строили! Все для потомков, жилось чтобы им не как нам. Кто же знал, что так оно все выйдет; что все для потомков избранных только? Молодые были. Горячие. Оно все как лучше ведь думалось, а вышло только уж очень криво. Оно бы наперед знать, что и как будет, так, может, поумнее были бы. А может, и нет. Вот так и дожили. Может, и хорошо, что ты не видишь этого. Ты как ушла, так и у меня все из рук вон. Так, глядишь, и свидимся скоро.

Разговаривая так, пенсионер параллельно собирал рюкзак: аптечка на все случаи жизни, будь то укус насекомого или подскочившее давление, порез или вывих. Вот-вот должны были ударить морозы, и дачу посещать будут только сыновья, а им все это ни к чему, молодые. Да и свои аптечки в машинах есть. И правильнее забрать было бы, чтобы не померзли пузырьки. Оно вроде и не очень затраты большие, да все равно копейки считать привык преподаватель. Да и препараты были там, кроме обычных, только по рецептам отпускаемые, а вот их стоило беречь как зеницу ока. Несколько банок солений да варений: презенты от соседей (ну кроме финансовой помощи). Кто за выложенную в доме печку, кто за крышу починенную, кто за дренаж. Там в погребе еще что-то оставалось, но то еще с прошлого года, и тащить смысла не имело, а это свежак. Не стыдно на стол поставить, для гостей. Не тех, что на показушном мероприятии в школе соберутся, а для тех, кого он лично пригласил к себе домой на празднование. В школу, – он уже твердо решил, – не понесет в этот раз ничего, тем более что чуть ли не силой его затащили на празднование его же собственного юбилея.

Фонарик с электрошокером; оно идти час, да за заботами и не заметил, что уже вечереть начало. Свет да защита. И портативный проигрыватель: пара колонок да считыватель MP-3-устройств. Не то чтобы сильно нужен был он. Просто прогулку эту хотелось совершить под соответствующие настроению мессы Баха. Если, конечно, метель к тому времени не разгуляется и негромкое пение простеньких динамиков не потонет в вое ветра.

Все это покидал он поверх пакетов с морковкой, свеклой да картошкой, а уже с самого верху положил душистый кусок свежего окорока, по случаю приобретенный для украшения печального стола. Подумав, рассудил он, что пусть проветривается сверху, а не то напичкает запахов аптечных. Топорик с ярко-желтым топорищем; подладить кое-что по квартире. Ножик перочинный; долго искал такой, чтобы и глаз радовал, и в руке лежал, и клинок чтобы живой. Вот и попался кизлярский ножичек. Острый, мерзавец! Надежный! Ничуть не жалея, отвалил он тогда за него всю свою зарплату. Машинально сунул в рюкзак потрепанный китайский зонтик; оно хоть и зима вроде как на улице уже да метель даже собирается, а все одно не поймешь; сегодня так, а завтра – наперекосяк все и оттепель с месивом этим снежным и с дождем на головы. Подумав, забрал и фотку супруги в аккуратной самодельной рамке. Потом уже, перед тем как выйти прочь, накапал он себе корвалол, а вслед забросил горошины валидола. Так, на всякий случай.

Уже собравшись и заперев все окна да двери, потоптался он перед калиткой, словно в последний раз глядя на своими руками построенный небольшой, но симпатичный домик.

– Ну, покедова, старик, – почему-то вдруг растрогался Николай Сергеевич. – Давай, не вешай нос! – и, повернувшись, он зашагал прочь по уже окрепшим ледяным глыбам, радуясь тому, что в кои-то веки послушался шепота внутреннего голоса и оделся добротно. Как на рыбалку подледную: камуфляжная куртка да ватники с валенками добрыми да рукавицами плотными. На дачу шел и плевался с собственной дури. Аж останавливался пару раз, спарившись, потому что сердце колотиться начало и опасения у преподавателя появлялись, что хватит его приступ. А вот теперь благодарил бога, что так приделся. И температура упала, и ветер стегать принялся, да так, что ветровка с дутиками-сапогами вряд ли бы спасла.

Уже вышагивая по знакомой улице дачного общества, бросилось в глаза ему то, что вроде как и знакомое все, а вроде как и нет. И заборчики поприместее стали, а кое-где и исчезли, и домики покосились, и лес подступил ближе. Впрочем, это он списал на действие препаратов да усталость, навалившуюся буквально в последние пару дней. И, доковыляв до конца улицы, он, почему-то перекрестившись, шагнул в навалившийся на дачный поселок лесной массив.

Вторая часть

Расползшаяся на все небо хмарь наполнила все вокруг ощущением безнадеги и какого-то беспросветного уныния. Неторопливая и вальяжная, то и дело цепляющаяся на острые вершины особенно высоких елей, она готовилась разродиться обильным снегопадом. Могучие стволы по-старчески кряхтели и постанывали, не справляясь с такой ношей. Казалось: еще пара мгновений и...

Надсадно завыл ветер, деревья натужились и особенно жалобно закрипели, едва выдерживая массу нанизанных на макушки туч, и небосвод, так и не выдержав, обрушил на землю весь свой многодневный запас колючего как иголки снега.

Николай Сергеевич, чертыхнувшись, повесил увесистый походный рюкзак на сук и, сжавшись в комочек, прибил к шершавому стволу, прячась от пронизывающего насквозь ветра.

– Угораздило же! – зло процедил он, ударившись о собственный рюкзак, болтающийся на крепком суку. Вышвырнуть бы его, но там припасы. Там – жизнь. Мужчина скукожился, устраиваясь поудобнее. По всему было видно, что он здесь – гость случайный, если, конечно, «гость» в данном случае применимое определение. Пленник, скорее.

Рюкзак под очередным напором ветра снова дернулся, пребольно долбанув по лбу. Вот еще приключение на седую голову. Заблудиться на дороге, по которой каждые выходные уже лет как двадцать исправно вышагивал туда-сюда: на дачу и домой! Николай Сергеевич уныло посмотрел на знатно похудевший рюкзак. На вечеринку попадут лишь остатки деликатеса. Если, конечно, попадут, а не достанутся на закуску волкам или кто тут еще водится. Да и не уверен он был уже ни в датах, ни в числах: может, прошел уже юбилей. Без него-то?!

Сколько вышагивал он по причудливо петляющей тропке, мужчина не помнил. Больше часа. Намного. Заподозрив неладное, попытался развернуться и пойти назад, да офигел: тропинка исчезла! Исчезла, хоть он готов был поклясться чем угодно, что только что видел ее собственными глазами. Постояв истуканом, он попытался сообразить, где находится. После пары минут исследования стволов деревьев на предмет наличия мха да прочих туристических хитростей, вычислил он, где какая сторона света. А раз так, то и к выводу пришел, что пилить ему правильнее всего сейчас направо. Так, чтобы на Ярославку выйти, а там уже на попутках как-то добраться домой. По расчетам, трасса должна была появиться где-то через час. Ну с учетом того, что приходилось прорываться через невероятной глубины сугробы да буреломы – два с половиной. Ну три! А в итоге, прошагав несколько часов, Бульцкий не обнаружил даже ни намека ни на Ярославку, ни на какую-либо другую трассу. Даже ЛЭП не попалось ни одной!

– Что за чертовщина?! – притулившись к могучему стволу дуба, просипел он. – Вот это угораздило!

Хотелось есть, но, посмотрев на часы, преподаватель одернул себя: не время. Уже сейчас он начал жестко контролировать себя в еде; за блуканиями этими четверть окорока, а вместе с ним одна моркошка да половина луковицы уже исчезли. Если и дальше так пойдет, то придется разносолы и варенья открывать, благо этого добра было несколько банок. Гораздо хуже дела обстояли с питьевой водой. Литровая бутылка уже почти опустошилась, а есть снег как-то не хотелось. По крайней мере, пока. Ружье бы сюда!

Хотелось остановиться и, прислонившись к стволу дерева, расслабиться и просто закрыть глаза, но делать этого было нельзя ни в коем случае. Остановиться даже для того, чтобы повыкидывать из давящего рюкзака лишние вещи: овощи, картошку, еще что-нибудь там, означало умереть. Измученные такой прогулкой мышцы гудели нещадно, да так, что казалось, вот-вот, натянувшись до предела, просто порвутся подобно струнам.

Чтобы как-то притупить чувство голода, он зачерпнул пригоршню снега и отправил ее в рот, затем извлек из внутреннего кармана мобильник и с надеждой посмотрел на экран. Тот все так же беспомощно выдал: «сетей не обнаружено».

– Спасибо главе администрации за подарок! – заблудившийся картинно поклонился воображаемому собеседнику. – Отличный телефон. Модный, крутой, да только не работает! Сынку – бизнес, Николаю Сергеевичу – игрушка и грамота почетная! – распаляясь, выкрикивал он в темноту. – Конечно, кто, если не Булыцкий? Тряпки вокруг одни, вот и слова поперек никто не скажет! У, я вас! – погрозил было кулаком куда-то во тьму.

Откуда-то раздался протяжный вой. Ветер? Пожилой человек завертел головой, пытаясь разглядеть хоть что-то. Бесполезно! Слишком густо росли деревья, да и сумерки навалились. А тут еще и пурга. Вой повторился, но уже ближе. Так, словно кто-то учуял жертву и теперь медленно и неумолимо приближался к перепуганному, сжавшемуся в комочек человеку. Николай Сергеевич нервно встряхнул головой, гоня прочь наваждение, и покрепче стиснул расчехленный уже топорик. Сердце нервно заколотилось, выбивая неровный бой, и по правой руке пробежала уже знакомая судорога. Скверно. Особенно здесь, в лесу, без связи. Случись чего, и все, привет. Порывшись в карманах, пленник судорожно извлек связку цветастых, как он сам их называл, «упаковок первой необходимости». Отыскав нужную, с противным хрустом извлек он пару кругляшков и быстро заглотнул их, заедая снегом. Совсем скоро страннику стало легче. Намного. Настолько, что он смог подняться на ноги и, взяв в руки подобие посоха, вырубленного из прямой ветки орешника, тяжело двинулся в путь.

Большого смысла в этом, конечно, не было, хотя и рисков минимум; уже и так было ясно, что он безнадежно заблудился. Но, как решил мужчина, уж лучше замерзнуть, чем быть живьем сожранным волками. И откуда их столько появилось-то? В прошлом охотник, он давно считал, что постреляли уже почти всю живность в округе; сам еще лет десять назад ходил. А еще – деревья. Как в мире другом. Все больше лиственные да сосны. А вот елок почти и нет. Хотя как так? Помнил же преподаватель, что леса дремучие, да все ели больше. В таких, говаривают, и нечисти больше, чем в лиственных. Лешие, Бабы-ёги, те же волки, что только и ждут зазевавшегося путника, чтобы наброситься да на куски разорвать. Да вот только за жизнь свою заблудившийся решил держаться – будь здоров! До крови! До боли! До ора! Одной рукой опираясь на ветку, в другой сжимая топор, он двинулся вперед. Наугад. В темноту. Как там бишь:

– Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое, да придет Царствие... – с трудом шевеля потрескавшимися обмороженными губами, читал он обрывки молитвы. Закончить не смог. Не успел, вернее. Свинцовая тяжесть вдруг наполнила окоченевшее тело, и он погрузился во тьму.

Чутьем он каким-то скорее понял, что не один. И не в снегу. Непонятно было только вот, жив он или уже нет. За первую версию говорила пульсирующая где-то в глубине черепа боль, ощущение горизонтального положения тела в пространстве да жестких досок под спиной. За вторую – «невесомое» состояние онемевшего – а было ли оно вообще – тела, запах дыма и гари да совершенно незнакомые голоса, о чем-то там настороженно переговаривавшиеся на каком-то непонятно-распевном языке. «Ангелы?» – как-то совсем равнодушно подумал он. Вроде и помолиться было бы не худо, но не было сил. Неуместно, вернее, было сейчас. Ну в самом деле, ошибись он, и над его душой уже колбасились бы бесы, как бы глупо он выглядел со своей молитвой.

Впрочем, и об этом думалось с трудом. Да и вообще еле думалось. Мысли, под стать гипотетически существующему телу, были вялыми и какими-то... несуществующими, что ли. Булыцкий попытался открыть глаза, чтобы окончательно расставить все точки над «i», но даже

это незначительное действие вызвало такой приступ головной боли, что он снова провалился в глубокое забытие.

Следующее пробуждение было намного более приятным, если такое описание вообще применимо к текущему состоянию. Ощущение тела вернулось. Вернее, боли в гудящих икрах да обмороженных, пораненных пальцах рук. Попытался сглотнуть, но не смог. Горло распорол резкая боль, как будто полоснул кто по нему ножом раскаленным. В висках тут же отозвалось резкой болью, взрывая и без того измученный мозг. «Жив!!! – обрадованно подумал он, и эта мысль, словно высоковольтный разряд, молнией пронеслась по телу, возвращая тому способность чувствовать внешний мир. – А эти? Ангелодемоны? Они действительно были или мне просто причудилось?» – задумался тот, и тотчас, словно ответ на его вопрос, сбоку донеслись знакомые голоса и чей-то хриплый кашель. И говорили они действительно на каком-то непривычном языке, Булыцкий хоть и не без усилий, но смог уловить в нем что-то знакомое. Эти усилия вновь вымотали странника, а тут еще и возникло рядом расплывчатое пятно неопределенного пола, бесцеремонно сунувшее под нос плюшку с неким дымящимся отваром. Несколько глотков омерзительно горькой жидкости, и Булыцкий вновь провалился в забытие.

– Боярин, не иначе, – первое, что услышал он, придя в себя.

– Княжьих, гляди-ка, кровей.

– Репей тебе в рот! Где ты князьев с боярами такими видывал? Чужеродец. Точно тебе говорю: чужеродец!

– А чужеродцев таких где видывал? – сквозь кашель отвечали ему.

– А как лихих дел промысловик?

– Репей тебе в рот!

Николай Сергеевич тяжело застонал и приоткрыл глаза. Темнота. «Все-таки умер?» – молнией пронеслось в голове. Картинка перед глазами, еще немного поплясав, наконец-то начала приобретать резкость. Прямо над ним угрожающе навис почерневший от копоти потолок. Грубые брусья, плотно уложенные в ряд, из зазоров которых бесстыже торчали клочья соломы или пакли вперемешку с комьями земли. Место совершенно незнакомое и чужое. Чтобы лучше сориентироваться, пожилой человек повертел головой, но тут же отказался от этой затеи, без сил закрыв глаза.

– Смотри, смотри, кажись, не мертвый.

– Не дошел то моста Калинова⁷.

– Мож, не доделал здесь чего?

– Душу Бог не взял. Грешник, может.

– Пить, – с трудом преодолевая рвущую горло боль, просипел Николай Сергеевич.

– Слово молвит.

– Кажись, попросил чего-то.

– Мож, не надо было волочить сюда?

– Репей тебе в рот, Третьяк! Тварь Божью от смерти убережь дело великое.

– Третьяк! Водицы-то принеси. Вон, в горячке бьется. И мне, – сквозь сиплый кашель добавил кто-то.

Чья-то крепкая ладонь приподняла его голову, и на губы полилась обжигающе холодная влага. Секунда, и, забыв обо всем на свете, старик принялся жадно глотать студеную воду. Ледяная свежесть растеклась по телу, охлаждая его и в то же время наполняя болью.

– Ишь, бедолага.

– Жаром внутри полышет.

– Не помер бы.

⁷ Калинов мост – мост через реку Смородину в русских сказках и былинах, соединяющий мир живых и мир мертвых.

– Не помрет. Крепкий.

Только сейчас Булыцкий сообразил, что на лбу у него – кусок грубой материи, наполненный мелко крошенным льдом. Снова приоткрыв глаза, он попытался сориентироваться: а куда, собственно, он попал?!

Место, куда занесла его судьба, более напоминало склеп: небольшая такая комната с бревенчатыми стенами без каких-либо намеков на окна. В центре – место для огня, в котором, жадно облизывая сучья и ветви, выплясывали языки пламени, наполняя помещение каким-то неверным, оттого и таинственным красноватым светом. По стенкам – подставки с лучинами. Сизоватый дым поднимался от кострища и, упершись в потолок и чуть там поблукнув, вырывался наружу через два крохотных, больше похожих на бойницы, черных прямоугольника⁸. Вокруг костра, ссутулившись, молча сидели несколько бородатых, по-странному одетых мужчин.

– Где я? – прохрипел пленник.

– Что молвишь? – наклонился к нему здоровый детина.

– Куда я попал? – глядя на заросших, словно настоящие бомжи, обитателей подземелья, с трудом пробормотал тот.

– Ишь ты, – покачал головой старший. – Оно вроде и чужеземец, да вроде и по-нашему молву ведет.

– Тихо ты, Третьяк! Смотри, прогневается.

– Репей тебе в рот! Расквакались, заячьи душонки, – огрызнулся тот и, уже обращаясь к Булыцкому, продолжил: – Вот что скажу тебе, боярин: до полусмерти застудился, да живот свой сохранил. Угодно, значит, то Богу.

– Деньги заберите, телефон. Меня не троньте.

– Ты, боярин, чьих будешь-то? – Николай Сергеевич непонимающе уставился на говорившего. – Слышишь меня, боярин? – сипло кашлянув, продолжал тот. В руке детины откуда-то вдруг появился топорик странника, и тому, только-только отошедшему, вдруг страшно стало: не ровен час худого чего сделают. – На тебя как наткнулся, да ты им да палицей отбивался, да так, что хоть в сечу. А вижу ведь, оставить нельзя, и так уже померз, что в горячке на всех бросаешься. Насилу и угомонил-то тебя. Так чьих, боярин, будешь-то? – повторил вопрос детина.

– Да какой я тебе боярин? – морщась от разрывающей горло боли, просипел он.

– Не боярин, – кажется, нисколько не удивился его собеседник. – Так из княжских будешь, стало быть?

– Какие княжьи? – снова закружилась голова у Николая Сергеевича.

– Чужеродец, стало быть? – совсем низко склонился над пожилым человеком говоривший.

– Пусть так, – прохрипел в ответ тот.

– Говорил же, – получив ответ, кивнул тот. – Мудрен, ничего не скажешь, – переключив внимание на топор с непривычно коротким ярко-желтым пластиковым топориком, уважительно произнес его собеседник. Так и сая крутя его в руках, он то цокал ногтем по непривычно упругой поверхности топорика, то взвешивал его в руке, то, приладив в руке, вдруг сделал пару резких выпадов, как будто бы рубя невидимого врага. – Простому такой не делать. Сталь хороша, – легонько попробовав на остроту острие, – оно бы топориком подлиннее, так в схватке цены не будет, – довольно прищелкнул языком тот. – Хоть бы и самому князю в подарок. Сохрани, – здоровяк положил инструмент у изголовья, – из тебя дух когда вылетел, обронил ты его. А я нашел да с собой прихватил. Поутру не сыскали бы уже.

– Спасибо, – чуть слышно прошептал в ответ.

– Спа-си-бог, – протянул тот по слогам.

⁸ Описана схема отопления избы «по-черному».

Третья часть

Время летело быстро. Булыцкий метался в горячке, то и дело проваливаясь в тяжкое забытие. Вокруг него по очереди колдовали хозяева землянки, то поя какими-то отварами да снадобьями, то обтирая горячее тело грубыми тряпками, то просто разглядывая поразившие их воображение вещи преподавателя. Впрочем, прикасаться к ним они не пытались; лишь сложили на самом видном месте и чинно, хоть и с безопасного расстояния, разглядывали диковины, делая при этом вид, что им вообще никак не интересно. И поэтому манатки пенсионера лежали так, чтобы они оставались на виду у гостя и в то же время были доступны для обзора из любого угла утлого помещения. По вечерам, наколдовавшись над больным, жители собирались вокруг топчана⁹, ставшего своего рода достопримечательностью лачуги, и, подолгу разглядывая удивившие их вещи, устраивали жаркие дискуссии на малопонятном Булыцкому языке.

Снадобья, которыми отпаивали гостя, оказались столь же эффективными, сколь мерзкими на вкус, и уже очень скоро прищелец почувствовал себя лучше. Настолько, что уже смог самостоятельно, хоть и ненадолго, принимать сидячее положение, вслушиваясь и помаленьку разбираясь, о чем там переговариваются приютившие его люди. Тут добрым словом учителя своего вспомнил, который на старославянском заставлял «Песнь о Вещем Олеге» читать. Уж намучился тогда молодой преподаватель, а все равно осилил. Уж сколько лет прошло, и тут вдруг: на тебе! Пригодилось! Это куда же его занесло-то, раз на мертвом, казалось, языке до сих пор общаются?!!

– Эй, хозяйка, – окликнул он как-то женщину с суровым от трудов лицом. Неизвестно, что больше поразило ту: то, что обычно молчаливый гость наконец подал голос, или что-то иное, но та, бросив в сторону ступу, в которой толкла к ужину какие-то там очередные злаковые, бросилась к стене, где копошились несколько мальцов. – Да что ты? – попытался выправить ситуацию он, но лишь больше еще испугал хозяйку: та, прикрыв собой малышню, что-то быстро-быстро залопотала в ответ. – Тыфу ты, пропасть!

Днем было еще несколько попыток заговорить с занимавшимися по дому женщинами, как одна одетыми в добротные, хоть и грубоватые, домашние тужурки, спасавшие от холода, однако успеха он не достиг. Женщины либо пугались, как первая, либо, демонстративно фыркая, делали вид, что не замечали попыток гостя, продолжая заниматься своими домашними делами. От нечего делать Николай Сергеевич принялся разглядывать женщин, по каким-то приметам надеясь вычислить; куда же все-таки занесла его судьба. Впрочем, все, что он отметил, так это обилие неказистых украшений, издающих при движении негромкий шум. Этаким звенящий шепот. Прямо как обереги в Древней Руси! Готов был он поклясться, что даже добывал на раскопках такие! А еще – полное отсутствие косметики, равно как и всякого рода модных украшений и таких привычных гаджетов. Уж если и требовалось кого-то вызвать, выходили наружу и долго и протяжно выкрикивали имя того, кто сейчас требовался.

За своими наблюдениями Булыцкий и не заметил, как задремал, а когда проснулся, то увидел, что рядом с ним сидит сурового вида бородатый мужик, плотно укутанный в добротный тулуп, полы которого были подхвачены тесемками. Рядом с ним, на рогоже¹⁰, которой укрывали гостя, покоился устрашающих размеров лук.

– Где я? – просипел Николай Сергеевич.

– Ты, чужеродец, вот чего, – зашедшись в натужном кашле, медленно, чтобы собеседник его понял, начал хозяин. – Твое счастье, что хворый. Здравей будь, бока намяли бы уже

⁹ Топчан – дощатая кровать на козлах.

¹⁰ Рогожа – грубая хозяйственная ткань. Первоначально производилась из волокон растения рогоз (отсюда и название).

давно, – на каменном лице мужика не отражалось ни единой эмоции, но при этом глаза горели словно угли и перло такой энергией, что больному стало не по себе.

– Что? – под тяжелым взглядом говорящего Булыцкому захотелось забиться поглубже под рогожу.

– Ты хоть и чужеродец, да честь знай, – насупившись, пробормотал тот. – Я твоей земли законов да устоев не ведаю, да и не лезу к тебе. Ты – гость. Законы чьи наши, если битым быть не хочешь.

– А что не так-то? – прохрипел в ответ Булыцкий.

– А то, что на баб пялиться чужих – и им срам, и тебе! – впервые повысил голос хозяин.

– Прости, – Булыцкий без сил откинулся на грубую «постель». – Не знаю законов твоих. Знать не знаю даже, где я... И почему, – помолчав, добавил тот.

– Бог простит, – проворчал тот в ответ, поднимаясь на ноги и направляясь к выходу. – Честь знай, – уже на выходе прокашлявшись и сплюнув мокроту, просипел бородач.

После того Булыцкий начал вести себя более осмотрительно. Теперь он если и разглядывал обитателей землянки, то тайком; так, чтобы неприятный разговор с детиной больше не повторялся. Впрочем, тот особенно и не появлялся следующие два-три дня, а придя, занимался, натужно кашляя, какими-то своими делами, демонстративно не обращая внимания на гостя землянки.

За эти несколько дней успел Булыцкий заочно перезнакомиться со всеми жителями. Натужный кашель и хриплая манера разговоров – Милован. Вечное «Репей в рот» да шуточки-прибаутки – Третьяк. Вороватые смешки да вечные прикрикивания – Калина. А еще – Осташка. Как понял Булыцкий – жена Калины. По крайней мере, только она смела что-то так же дерзко отвечать Калине. И только ее смел лупцевать тот. И Белка – не понял только Булыцкий, жена или невеста Третьяка. Ну и масса проходящих и уходящих персонажей, которых было достаточно много, чтобы запоминать их такие странные имена.

Еще несколько дней отваров и отхаживаний, и окреп Николай Сергеевич настолько, что уже смог неведомо какими усилиями вытребовать назад свой камуфляжный костюм и, как клоун в цирке, при всех принялся напяливать шмотку за шмоткой, несказанно поразив хозяев нижним бельем, выдавшими виды трениками и носками.

– Во срамота-то! – глядя не отрываясь на то, как «боксерки» фактурно облепляют причиндалы незнакомца, бубнили мужики, гоня прочь собравшихся женщин.

– Лепость. Дельная вещичка, – разом отозвались бородастые хозяева, увидав «тормоза» на потрепанных тренировочных штанах.

– Непотребщина, хоть бы и барином чужеродец был, – так мужская половина отозвалась о майке. В принципе, тут Булыцкий был с ними солидарен. Просто на дачу рядиться особо не стал и напялил первую попавшуюся под руку «алкоголичку»¹¹.

– К людям благочинным в таком наряде не кажись! – такие отзывы заработали аляпистые военные штаны и куртка, из-под которых ярким пятном красовалась футболка «Iron Maiden»: Николая Сергеевича как-то сыновья утащили с собой в «Олимпийский» на концерт ребят этих. Долго он ломался, но в конце концов пошел и не пожалел. Будучи сам по себе неугомонным живчиком, любил он всех тех, от кого так и перло сумасшедшей энергетикой. А от этих ребят – перло, да так, что, казалось, воздух наэлектризован донельзя. Даже футболку себе у сына отбил с символикой мирового турне. Потом записи, конечно, послушал, но не то это уже было.

– Расвакались! – огрызнулся тот, впрочем, так, чтобы не рассердить приютивших его приземистых леших – для простоты Николай Сергеевич именно так обозвал заросших коренастых типов, ютившихся в землянке. – Нет бы дельного что сказали! Где мы?

¹¹ «Алкоголичка» – обычная майка с глубоким вырезом. Название закрепилось с советских времен, когда образ алкоголика ассоциировался с карикатурным человеком, изображенным на агитплакатах обязательно в белой майке.

– Чего? – не поняли вопроса те.

– Область какая? Город? Почему электричества нет? Газ не проведен почему? Печи нормальной и то нет! Почему на старославянском все разговариваете? Что за каменный век? – Хозяева в ответ лишь растерянно переглянулись. – Ну хорошо, – сменил тактику преподаватель. – Я – Николай Сергеевич Булыцкий.

– Лыкий, – с готовностью кивнул головой один. – Ероха был. По лыку¹² мастер знатный. Отдал Богу душу на днях.

– Какое, к черту, лыко? – пораженно уставился он на сгрудившихся в углу существ. – Вы издеваетесь, что ли? Где я? Вы кто такие будете, господа хорошие?

– Невидадь, – кивнув на топчан с манатками гостя, уважительно, но не теряя при этом достоинства, хмыкнул Милован – тот самый бородач, что уже устраивал нотацию гостю. – Мудреные вещички, – прокашлявшись вновь, продолжил он.

– Клоуны! – раздраженно проворчал в ответ преподаватель, думая, как дальше общаться с обитателями.

Впрочем, вид упакованного в костюм цвета хаки настолько искренне поразил тех, что и сам Булыцкий усомнился: а вообще нормальные они? Может, фанатики какие? Умахнули, как отшельники пензенские или кто еще, куда-то от цивилизации подальше, жить чтобы на натуральном хозяйстве... Вот и одичали. Одно только непонятно было: почему такой восторг от обычных вещей, да на старославянском почему все разговоры? Сумасшедшие, может, и вправду? Или эти, как их, ролевики или реконструкторы, или как там их еще, что игры по реконструкциям событий устраивают. Возил он как-то мальцов на поле Бородинское, и на реконструкцию сражения восьмьсот двенадцатого года, и на сорок первого... так там мужики хоть и взрослые вроде, а в роли вживались будь здоров! Так, что казалось, еще немного, и по-настоящему крошить друг друга начнут. Ну раз так, то, видать, увлеклись настолько, что с катушек съехали... Хотя чушь какая-то! Не похожи. А кто тогда? Может, бомжи какие-то одичавшие?..

А хозяева между тем пообвыклись с гостем. Настолько, что один из них, – самый главный – Калина, – подошел к пенсионеру и, деловито что-то ворча, принялся разглядывать звенящие застёжки карманов преподавателя. И тут еще одну вещь Булыцкий подметил: он сам хоть и не здоровяк какой, но все одно по сравнению с хозяином выглядит весьма внушительно. На четверть головы повыше да в плечах пошире.

А хозяин, между тем увлекшись, настолько вошел в раж, что забыл про все, даже, казалось, про существование самого Николая Сергеевича. Так и сяк отворачивая карманы и пряжки, он то заглядывал вовнутрь, то дергал их, словно проверяя швы на прочность. Углубившись в собственное исследование, тот наткнулся на болтавшийся в одном из карманов электрошокер и, вынув, принялся и так и эдак вертеть его перед носом, словно пытаясь понять, что это.

– Отдай, – потребовал Булыцкий, протянув руку, но тот лишь демонстративно повернулся спиной к хозяину. – Отдай, черт, пока не шарахнуло! – уже настойчивее и громче потребовал Николай Сергеевич.

– Не замай, чужеродец, – отбросил руку тот. – Глянь, диковина, – обратившись к соседям, расплылся в довольной улыбке Калина. – Оно орехи колоть – ладная вещичка, – наконец соизволил ответить мужик.

– Гляди, башку расколю! – огрызнулся в ответ Булыцкий. – Верни, кому сказал. Хуже будет!

¹² Лыко – подкорье, исподняя кора молодой липы и других лиственных деревьев. Применяется в изготовлении рогожи, лаптей и иной утвари.

– Ты, – оскалился тот, вертя в руках фонарик-шокер, и так и сяк пробуя все кнопки, – харча дармового на тебя сколько извели? Так напраслину не городи, чужеродец! Моя теперь...

Аххrrrrrrr!!! И так и сяк вертя в руках поразившую его вещичку, хозяин таки наткнулся на кнопку, подающую разряд. Синеватая дуга с треском разошлась по выступающим, словно зубцы на крепости, электродам, поражая нагловатого хозяина и отбрасывая его к стене.

Шарахнувшись в сторону, мужик сшиб топчан, на котором покоились манатки пришельца. Рюкзак с припасами с характерным стеклянным звоном грохнулся на пол, и в воздухе разнесся островато-приторный запах рассола. Чертыхнувшись и отвернувшись от обитателей, мужчина поднял баул и деловито заглянул внутрь, чтобы посмотреть, что же там расколошматилось. Как показал беглый осмотр, разбилась одна из банок с солеными на зиму огурцами. Все остальные, неведомо каким чудом, даже и не пострадали. Не заморачиваясь в общем-то нисколько, преподаватель извлек уцелевшие склянки и упакованные в отдельные целлофановые пакеты овощи и жалкие останки запаха уже окорока (они, похоже, и послужили той самой подушкой безопасности, что уберегла все остальные банки в целостности и сохранности), а затем и осколки вперемишку с огурцами.

– Говорил же, худо будет, баранья твоя башка, – проворчал Булыцкий, поднимая грохнувшийся на пол фонарик. Встряхнув «Осу», он нажал на кнопку. В ту же секунду полумрак помещения прорезал сфокусированный луч, ослепивший и окончательно ошеломивший хозяев. Впрочем, преподаватель, занятый изучением последствий падения рюкзака, не обратил внимания. – Накрывай на стол, хозяйка! Солененького давай-ка к бурде твоей, а то зола¹³ твоя уже хуже серы горючей! На зубах скрипит! И воды дай побольше, промыть от стекла, – поднял голову и чуть не обомлел. Местные, не мигая, смотрели на не выключенный до сих пор фонарик. С открытыми ртами, кое-кто закрыв глаза руками... Шок. Так, пожалуй, правильнее всего было бы назвать его. – Вы чего? – уставился он в ответ. – Эй, вы чего?! Да что, черт подери, с вами?! – шагнул вперед пенсионер, держа в руках прибор.

– Смилуйся, не губи, Архангеле¹⁴, – ринулся вперед пришедший в себя Калина и тут же бухнулся в ноги пришельцу. – Верой и правдой служить будем! Во славу Божью до Калинового моста самого дойдем! Заступись перед силами небесными только!!! – на раз всю свою статью утратив, завывал тот.

– Да ты чего?! Встань! Да встань ты!!! – прорычал Николай Сергеевич, с силой схватив того за шиворот и попытавшись придать ему более привычное положение.

– Грех великий! Прости! Не ведали, что обернется!!! – ловко вывернувшись, снова бухнулся тот на колени. – Кто же ведал, что меч у тебя в руках огненный?! Ведать кто ведал, что сокровище великое твое побьется?! Смилуйся, Архистратиге!

– Да какой архангел-то?! Какое, на хрен, сокровище?! – потеряв терпение, проорал тот в ответ. – Да вы что, с ума посходили?! Фонарик это с э-лек-тро-шо-ке-ром! – по слогам выпалил тот. – И банка это обычная! Банка!!! Цена ей – сто рублей! Две пачки сигарет цена! Где вы тут сокровище увидели?! Где?! Это? – схватив первую попавшуюся под руку склянку, он с размаху жажнул ее об пол. Там, где приземлилась она, расплзлось черное пятно смородинового варенья. – Или это?! – Новая банка, к неподдельному ужасу обитателей лачуги, врезалась в бревенчатую стену. Во все стороны разлетелись капли компота вперемишку с червонными вишнями. – Или это?! – в бешенстве схватил тот очередную склянку.

– Ты, чужеродец, не гневись. Не надо. В чужом доме как-никак, – прямо перед буяном, отодвинув в сторону насмерть перепуганного Калину, вдруг вырос Милован. – Ты откуда родом, может, и безделица это... А для нас – сокровище невиданное. Пускай бы и прав ты: не

¹³ Раньше на Руси использовалась зола вместо соли.

¹⁴ Святой Архангел Михаил – главный архангел, являющийся одним из самых почитаемых архангелов в таких религиях, как христианство, иудаизм и ислам. Изображается попирающим дьявола; в рост – с доспехами и мечом (часто огненным); верхом – с копьем, кадилом и весами.

архангел. Пусть чужеродец простой. Пусть. Ну так и чего гневаться тогда? Гнев – грех великий. Так и негоже грех в дом-то чужой нести, – неторопливо и рассудительно увещевал тот, мягко успокаивая разбушевавшегося гостя.

– Ты, поставь, поставь, – аккуратно, но твердо положил тот ладонь на руку Булыцкого. – Поставь. Бог ведает, может, и пригодится где. Ты не искушай. Не надо. – Банка с помидорками, уже приготовившаяся быть отпилированной вслед за предыдущими, вернулась на исходную позицию. – Ну, будет тебе, – продолжал между тем мужик, давая кашель. – Оно побуянил, и добре. Ну чего ты, чужеродец. Чего? – растерялся тот от того, что не выдержавший напряжения дня Николай Сергеевич вдруг уткнулся носом в пахучий ворот его зипуна и затрясся в плаче. – Ты, чужеродец, водицы попей, полегчает. И полежи. Полежи. Тебе надобно бы отдохнуть, – поддерживая, словно ребенка, безвольно обмякшего преподавателя, Милован подтащил его к топчану и помог сесть на жесткое ложе. – Вот и хорошо, – продолжал увещевать тот. – Побуянил, а теперь поплачь. Оно всяко легче будет.

Остаток дня пенсионер провел один. Хозяева после инцидента старались не подходить, то ли опасаясь повторной вспышки гнева, то ли обуреваемые страхом перед мечом огненным, но всеми силами пытались не беспокоить Николая Сергеевича, а тот, чуть придя в себя, принялся лихорадочно соображать, а где же он все-таки оказался?!

Первоначальная версия, гласившая, что Булыцкий попал в лапы к обычным ворюгам или бомжам, с треском провалилась; стали бы те выхаживать его, да еще и сохранять его вещи? Да и потом, уж слишком искреннее удивление вызывали вещи пенсионера у обитателей землянки, уж слишком чудной говор... А еще реакция на фонарик и побитые банки? Настолько острая, что сыграть такое вряд ли представлялось возможным. Нет. Эту версию пенсионер безжалостно отбросил прочь, вцепившись теперь в вариант с одичавшими в глубинке ролевыми или там какими-нибудь отшельниками.

Впрочем, и это ненадолго. Ровно до тех пор, пока не случился с ним инцидент с солью обычной поваренной... Давно уже по приметил пенсионер, что не пользуются ею здесь. Вместо нее – зола. Оно, конечно, солености добавляла, да вот только скрипела на зубах, зараза. И теперь только, как на ноги поднялся да к рюкзаку своему добрался, подарить решил хозяину брикет каменной соли, приобретенной по пути через поселок дачный; хватился, что дома нет ни грамма, вот и прикупил. Просто чтобы снова не забыть. А теперь уже и не нужен особо стал ком этот соленый. Оно все равно не до того сыновьям будет, когда блудный батя домой вернется. Ведь две недели его уже как черти куда-то унесли, ну если «ценный подарок» не сошел с ума... Его ведь то включал Булыцкий, то, убедившись, что сети как не было, так и нет, выключал, чтобы батарея не сдохла окончательно.

Ох как обрадовался Калина! Нет, поначалу, как положено, не понял, чего ему там чужеродец всучить пытается. Когда понял, верить отказался. Как поверил, чуть ли не лобызаться полез. А чего полез-то? Копейки стоит ведь. Мозаика, в общем, какая-то, в рамках которой ролевики и отшельники как-то ну совсем неважно укладывались.

Откинув первые две версии, Николай Сергеевич всерьез начал подумывать о том, что каким-то неведомым образом занесло его в глубинку одной из республик: Чувашия? Мордовия? Удмуртия? Но это уже просто противоречило всякому здравому смыслу. Прошагать такое расстояние по заснеженному лесу? Дуба дашь, пока дойдешь! Невозможно! На этом фоне даже вполне правдоподобно выглядел вариант о том, что сами бородачи каким-то неведомым способом добрались до Подмосковья и, подхватив замерзающего путника, непонятно на чем долетели обратно. Но тогда оставался без ответа один логичный вопрос: а, собственно, зачем? Чтобы требовать выкуп? Идея так понравилась преподавателю, что тот расхохотался.

– Слышь, хозяин! А на кой тебе я сдался? – сквозь смех обратился он к хлопочущему по хозяйству Калине. – Выкуп, что ли, получить хочешь?! Так разве что банками расплатиться

и могу. Или в рабство, может, забрать? Опять промашка! Я работник, пока лекарства есть, а потом тебе дороже по аптекам бегать будет! Разве только вареньем в банках драгоценных!

– Чего орешь? – пробубнил в ответ тот. – Мальцов разбудишь. По хозяйству помог бы лучше.

– Тыфу ты, пропасть, – выругался Булыцкий.

Хозяин лачуги, Калина, да женщина его Осташка, а при них прилепились Третьяк с невестой да Милован бобыль бобылем; вечно простуженный, молчаливый да угрюмый, чурящийся всех остальных. В жизни общины он почти не участвовал и вечно пропадал на охоте, даже на ночь не расставаясь с луком. За порядок в землянке отвечали женщины. Они же приглядывали за мал-малой кучей беспокойных ребятишек. Калина да Третьяк вечно мастерили что-то, готовясь, судя по всему, к весенней посевной. Взяв в руки неуклюжие по меркам пришельца топоры и кидая завистливые взгляды на топорик гостя, они хмуро мастерили всячину всякую: игрушки для детей, ложки, что мало чем отличаются от тех, к которым привык мужчина, деревянные украшения да какие-то убогие подобию лопат да тяпок.

– А чего не железные-то? – поинтересовался как-то преподаватель.

– Слышь, чужеродец, – весело отозвался в ответ Калина. – У тебя, мож, еще и крицы¹⁵ найдется? Так ты дай, а я найду кому пристроить! И тебе перепадет.

Картофель, так тот вообще диковиной оказался в местах этих; никто и слышать не слыхивал про такое. Долго разглядывали мужчины неведомое растение, интересуясь, а как садить, а чем репы лучше, а снять сколько можно с чети¹⁶ (или как там ее, Булыцкий, честно сказать, не понял)? Чуть подумав, преподаватель сварил в чугушке¹⁷ пару картофелин, представив их на суд обитателям лачуги.

– Так оно еще и репы пареной проще! – искренне восхитился Калина, отведав наконец кушанье. – А как не лукавишь, так и с чети можно на всю зиму запастись, что еще и на лето останется! А научи высаживать, а? Век не забуду!

– Да чего учиться-то? – искренне поразился гость. – На каждом огороде растет!

– На каждом чего? – не понял хозяин.

– Ну, – смутился тот, загнанный в тупик. Ну в самом деле, как объяснить, что такое огород?! – Не важно, в общем.

Живейший интерес вызвал у местных гардероб пенсионера. Поражали карманы, подчистую отсутствовавшие на их собственных одеждах, металлические блестящие пуговицы, молнии. Неподдельное восхищение вызвали черные валенки в блестящих калошах и съемная меховая подстежка куртки. Настолько, что они, с позволения хозяина, по очереди, весело переругиваясь и отпуская на все лады шуточки, примерили диковины, признав их зело ладными.

Затем, чтобы укрепить успех, пришелец включил айфон и попытался продемонстрировать несколько фоток. Однако это было уже чересчур. Едва только экран вспыхнул, жители лачуги рассыпались по углам, отворачиваясь от такого непривычного в этом месте искусственного освещения. Повторить данный опыт решились только через пару дней. Вторая попытка была более плодотворной: собравшиеся мужики восхищенно тыкали пальцами в монитор, разглядывая фотки.

– Так это как же такую невидаль отгрохать возможно? – пораженно разглядывая одну из высоток, прошептал Третьяк. – Это же как реку-то в кузовок¹⁸?! – указывая на зеркальный

¹⁵ Крица – рыхлая, губчатая, пропитанная шлаком (кричным соком) железная масса, из которой посредством разных обработок получается кричное железо или сталь.

¹⁶ Четь – мера площади – $\frac{1}{2}$ десятины засеянной земли, примерно 0,5 гектара.

¹⁷ Чугунок – металлическая емкость округлой формы, предназначенная для приготовления пищи в русской печи, преимущественно для варки и тушения.

¹⁸ Кузовок – корзина.

фасад здания, в котором отражались разбухшие от влаги облака, продолжал он. – А люди-то, что мурашки!

– А то что? – указал на асфальтированную дорогу.

– Асфальт.

– Да ты яснее объясни! Чего сказками ладишь-то?

– Ну, дорога такая. Ровная. Чтобы повозки самодвижущиеся могли перемещаться. –

Булыцкий уже несколько раз ловил себя на мысли о том, что для простоты коммуникации со странными типами упрощает свой говор настолько, что опускается до самых примитивных сравнений. Чтобы не дай бог не одичать, как они, начал стихи всякие вспоминать, сам что-то сочинять начал, да вот беда: чтобы записывать – ни бумаги клочка не нашлось, ни карандаша...

– А без него?

– А без него повозка не проедет.

– Слабы лошадки, значит.

– Да не нужны лошади ей!

– А чего не едет тогда?

– Да потому, что дорога нужна ей специальная!

– Околесица какая, – недоуменно пожали плечами его слушатели. – Без лошадей едет, а без дороги – нет! Дорог-то вон, раз-два и обчелся. Не то что лошадей.

– Далеко-ль на такой укажишь? И на кой телеги такие, что без дороги ехать не могут? А волки как? А люд лихой? А душегубы?

– А одежды срамные! – через плечи заглядывая в монитор, пропел Третьяк. – Как и нет их совсем! – тыча пальцем в девочку-велосипедистку, одетую в настолько плотно облегающие формы топик и лосины, что, казалось, были просто нарисованными прямо на теле. – Срам! И оберега ни одного! Так вся нечистая и налипнет! Нет ни благочестия, ни стати!

– А ты пялся меньше! – гневно одернула его Белка, засветив звонкую оплеуху. Ей следом загудела и вся женская половина, недовольная тем, что мужики уж слишком сладострастно принялись рассматривать девушку с фотки.

– Вон, кожа да кости одни!

– Что соломинка!

– Это же родить хоть первенца-то, тужиться как придется.

– Срам один! Ты, чужеродец, в грех не вгоняй!

– Да все так ходят! Чего срамного-то? – попытался вступить Булыцкий. – Оно странно будет, если кто в вашей одежде появится на улице.

– Да как в таком на свет божий появиться? Где же видано, чтобы у баб такое допустили?

– Да и баба не человек, что ли? – изумился в ответ Николай Сергеевич. – Ну жарко если? Удобно так. Мода?

– Ты, пришелец, напраслину не городи! – раздосадованно отвечал Милован. – Законы есть Божьи, так и не пристало срам разводить!

Промолчал Булыцкий да молча перелистнул карточку. А про себя задумался лишь крепко, что за мир странный, в который занесла его судьба, раз уж женщин самих возмутила карточка такая. Мужики-то, понятно, больше для галочки поорали, а сами-то аж застонали томно, как фотка сменилась. Интересно, кому еще ее показать, как поведут себя? Или не надо лучше?

На следующей фотке – Булыцкий с двумя сыновьями, как охранники, стоящие по обе стороны от отца и через плечи глядящие на маленький, завернутый в розовое куль, из которого торчала мордашка внучки. Фотка тоже бурное обсуждение вызвала.

– Богатыри! – восхищенно ахнули местные. И правда: если даже Булыцкий был заметно крупнее любого из обитателей землянки, то сыновья его реально выглядели такими громилами.

– Отроков трое всего? – поразился Калина. – А чего так мало? А как беда какая случись? А хворь? Оно ладные, конечно, мужи, да вдруг брань какая?

– Да померли остальные, – снова взяла слово Белка. – Вон, видишь, двое – мужи, а одна – кроха мелкая. Где видано, чтобы мужику-то столько утерпеть возможно было?

Апофеозом же того дня была демонстрация работы простецкого МП-3-проигрывателя. Когда по лачуге разлились переливы произведений Иоганна Себастьяна Баха: мессы да хорошие произведения, жители, перепугавшись непривычных звуков, разом рассыпались по углам слабо освещенной лачуги. Лишь только Милован, посерев лицом, словно каменное изваяние, остался сидеть на месте.

– Эй, вы чего? – окликнул он хозяев. – Вы что, музыки никогда не слышали?

– Чего? – отозвался из полумрака Калина.

– Музыка, – раздраженно отвечал тот. – Музыка обычной!!! На инструментах люди играют, и музыка получается.

– На чем?

– На инструментах! Гармошка, баян!

– Чего?!

– Ну, эти гусли, рожки, чего еще, – всплыли вдруг в памяти названия инструментов древнерусских.

– Брешешь! – зачарованно слушая натужное пение органа, отвечал Милован. – Где видано, чтобы на гуслиях такое?! – блаженная улыбка растеклась по лицу бородача. – Да и что я, гуслей не видывал? Как в коробочку твою запихнуть? Сюда даже рожку уместиться куда там, а ты про гусли мне!

– Ишь ты, – осмелев, протянул Калина. – Прямо как в царствии Божьем оказались разом!

– Репей тебе в рот, – проворчал в ответ Третьяк. – И на земле еще дел хватает.

Булыцкий промолчал в ответ. Уж слишком многое указывало на самый невероятный вариант из всех в принципе возможных. Ну ладно, допустить он мог, что в глубинках не знакомы с творчеством Иоганна Себастьяна Баха. Ладно, про проигрыватели, даже китайские, заполонившие рынок, знать не знают, ведать не ведают. Но про радио слышать должны же были!!! Или хоть про патефоны эти или что там до этого было-то? Так что же он, как в каком-то фантастическом фильме, угодил прямиком в прошлое? Нет, только не такая чушь! Николай Сергеевич упорно гнал эту мысль как можно от себя дальше. Во что угодно, да хоть в самих пришельцев готов поверить был, но не в это! А раз так, то решил он пока больше наблюдать за происходящим, чтобы наконец окончательно понять, куда все-таки забросила его судьба.

Окончательно восстанавливался он медленно. Теперь уже отвары вперемешку с вызвавшими живой интерес у всех обитателей лачуги лекарствами принимал Николай Сергеевич. Оно как-то привычнее, хоть и настои здешние тоже здорово помогали. А вот местным дать не дал. Ну, во-первых, именно от простуды и гриппа не так много в аптечке средств оказалось; все больше раны обрабатывать да средства от сердца. А вот пузырек «Синекода» пригодился бы Миловану, вечно в кашле заходящемуся, да тот наотрез отказался даже попробовать. Ну и ладно. Преподаватель настаивать особенно не стал.

Чем ближе к выздоровлению, тем медленнее тянулось время. Тем чаще и на дольше выходил он из землянки, чтобы, оглядываясь по сторонам, найти хоть какую-то подсказку, помогшую бы ему найти ответ на вопрос: где он?! Вот только не получалось из этого ничего. Леса стена вокруг да три ветхие землянки. И тишина какая-то невероятная. Такая, что у привыкшего к вечному шуму городского жителя начинала кружиться голова! А еще – девственно-чистое небо, без намека даже на блестящую черточку самолета! Может, и правда глубинка? Да где вот только найти такую в Подмоскovie? Нереально! Разве что действительно где-нибудь в Удмуртии ли Чувашии. Но добраться-то туда как?! На ковче-самолете, что ли? В

очередной раз вынужден был констатировать пожилой человек, что эта версия при всей своей привлекательности никуда не годилась.

И версию с бомжами, покрутив и так и сяк, отбросил окончательно. Она, конечно, многое бы объяснила: и быт примитивный, и одежды простецкие, даже по меркам пожилого человека худые, и пища однообразная – каши на злаках с золой вместо соли да репа. Да вот только неурядица с вещами получалась: до сих пор даже пуговицы не пропало с одежек Булыцкого, не говоря уже о таких ценностях, как айфон, цепочка серебряная с крестом нателным или электрошокер! Калина, вон, хоть и плут, да и тот не тронул ничего. Да и почему бомжи соль так ценят? Купить ведь – дело плевое! Цена – три копейки! На самый крайний случай можно бутылок или банок там жестяных насобирать да сдать их за деньги!

С ролевыми проще было: могли они, по разумению Булыцкого, увлечься играми своими до такого, что разум потеряли. Могли. Но тогда откуда восторг такой от вещей простецких. Топорище вон пластиковое достопримечательностью землянки стало. Такой, что Николай Сергеевич в конце концов подарил его ошалевшему от радости Калине. Все равно таскать его с собой тяжело было; проще, домой вернувшись, новый купить. Да и актерами должны были быть все поголовно. Такими, что в самом Голливуде с руками и ногами! Иначе как объяснить такие потрясающе правдоподобные эмоции радости от плевых по меркам пенсионера вещей.

Таким образом, более или менее правдоподобным оставался вариант, что он просто сошел с ума... Ну не считая последнего, самого фантастического, предполагающего перемещение во времени. Ну или на крайний случай – что шутка это, как в фильме каком-то, недавно им смотренном, где мужика по-жесткому разыграли, создав в отдельно взятом городе инсценировку не очень далекого прошлого. Все, все ведь говорило сейчас именно за этот вариант развития событий, и Булыцкий, забыв про все на свете, отчаянно вцепился в эту версию!

Деревня в три двора?! Отлично! Так проще создать видимость отдельно взятого мирка, затерянного во времени. Удивление местных жителей и странный язык общения – так то актеры; зря, что ли, сын в театре каком-то там народ потешает? Дорог худо-бедно значимых нет поблизости никаких? Самолеты не летают? Связь упорно отсутствует? Да мало ли глуши какие тут? Заберись подальше за Переславль-Залесский или вон в Брянские леса, и пожалуйста тебе! Глухоманей непроходимых тебе сколько влезет! Что действительно осталось непонятным, так кому, зачем и, главное, на какие шиши устраивать этот карнавал?! Но все-таки проще было убедить себя в том, что это скорее действительно чья-то не совсем удачная шутка, чем путешествие во времени. Или хотя бы сумасшествие. Ну или, на самый худой конец, какой-то неведомый эксперимент великих внеземных цивилизаций, неведомо зачем забравших пенсионера на далекую-далекую планету, вроде как Румату.

А раз так и Николаю Сергеевичу досталась главная роль в этом безумном спектакле, то и сыграть ее следовало достойно. Он старательно общался с местными обитателями, рассказывая про свою жизнь, демонстрируя прихваченные с собой причиндалы и искренне удивляясь мастерству актеров. А еще тщетно пытаясь подловить тот момент, когда кто-то из немногочисленных лицедеев допустит ошибку и правда наконец откроется. Впрочем, длилось это недолго.

Местные за заботами каждодневными привыкли к присутствию необычного гостя, и хоть держались с ним как с заведомо более высоким по статусу, но бывшего интереса уже не было. Разве что со стороны женской половины. Необычный нарядом, диковинами невиданными, статностью буквально манил он к себе девок незамужних. Уже не раз ловил он на себе взгляды страстные, да все как-то не замечать старался. Все ж таки возраст. Да и Милован со своим разговором. Потому и, сделав морду тыпкой, мыкался по осточертевшей землянке.

И хоть иной раз одолевали его сомнения, и нет-нет и начинало казаться ему, что, может, действительно унесло его в прошлое, но все-таки отчаянно цеплялся он до последнего за соломинку спасительную... Бред это все. И ложки деревянные – тоже бред. А то, что на совре-

менные ну один в один похожи, а не на привычные расписные, черпаком сделанные¹⁹ – бред вдвойне! И лучины – бред! И серпы – бред! И лук Милована – тоже бред!!! И люлька, к потолку прикрепленная, и игрушки грубые деревянные, и молитвы перед едой – бред! И каши эти однообразные злаковые! И Милован, особняком вечно держащийся! Все бред!!! Все!!! Все!!! Впрочем, Николай Сергеевич уже и сам начинал искренне верить в то, что он и на самом деле сходит с ума! И не важно, где это происходит: в настоящем или прошлом!

Уже и четыре недели провел в этом странном месте учитель, а ничего не менялось. Ну за исключением настроения: то в депрессию впадал он, то, видя убогость быта, сам хватался за топор и начинал ладить простенькие полочки, еще чего-то там, поражаясь отсутствию элементарных предметов: гвоздей, дрели со сверлами, клея. А как без всего этого хоть что-то сделать?! А длинными зимними вечерами собирались «местные» в землянке Третьяка и подолгу слушали «рассказы», как они сами их называли, комментируя и бурно обсуждая услышанное. Один только Милован внимательно внимал всему тому, что говорил Булыцкий, да только прищелкивал языком, выслушав очередную историю. Только с ним у Николая Сергеевича начало складываться нечто вроде дружбы, и пенсионер уже прикидывал, как они вдвоем посидят в баньке после того, как все-таки закончится весь этот цирк. Однако планам этим сбыться было не суждено.

Страшные крики привели в себя сонную деревушку. Крики и рев дикого зверя. Похватав что попадется под руку, мужики высыпали из землянок, очертя головы бросаясь на шум. Напялив куртку и схватив топор с не разрядившимся пока электрошокером, вслед за всеми бросился и пенсионер. Отчаянные вопли раздавались где-то совсем рядом, буквально в полусотне метров от деревушки. К ним уже добавились свисты и крики подоспевших селян. Выскочив на открытую поляну, Булыцкий содрогнулся. Третьяк на шатуна²⁰ наткнулся, неизвестно зачем выдравшегося из берлоги. Теперь он, страшно крича, корчился на забрызганном кровью снегу, а зверюга, поднявшись на задние лапы, откатывался в чашу, понукаемый рогатинами да палками растрепанных мужиков. Те разошлись не на шутку, благо было их с дюжину, и уже на шкуре косолапого виднелись свежие кровоточащие раны. Матерясь, мужики наступали. Так что казалось, зверюга вот-вот ретируется, но в этот момент тот вдруг подался всей тушей вперед, бросаясь на одного из атакующих. Раздался вскрик и треск переломленной пополам рогатины. Мужик успел отскочить, но в руках у него теперь осталось лишь два черенка. Остальные, не ожидавшие такого маневра, тоже предпочли отвалить подальше от греха. Все, кроме Милована. Воспользовавшись секундным замешательством, он с протяжным воплем подался вперед, с размаху всаживая острие рогатины в бок мишке. Миг! И Милован буквально повис на своем оружии, наваливаясь на него всем своим весом и буквально продавливая плоть зверя.

– У, шельма! Получи!

Ох и разревелся тот, почувствовал боль! Взмахом лапы буквально стряхнул он повисшего на оружии человека вместе с обломком рогатины. Стряхнул и тут же со страшным рыком бросился прямо на отползающего прочь обидчика.

– А ну, не зевай! – отчаянный вопль вернул к жизни всех остальных, и те, бешено орудуя своими рогатинами, снова ринулись в яростную атаку. Несколько точных ударов, и косолапый, забыв про первоначальную цель, принялся кружить на месте, отчаянно отбиваясь от насевших охотников. Они же, оттопыривши на вытянутых руках заостренные жерди, медленно наседали, беря того в кольцо, однако же и вперед бросаться не торопились. То ли сноровки не хватало, то ли бить уже наверняка решили.

– Заходи, Хлын, сзади!

¹⁹ Современная ложка повторяет форму ложек, использовавшихся в быту и в Московской Руси. Привычная нам ложка-черпак лишь современная стилизация.

²⁰ Шатун – не залегший в спячку медведь.

- Ерема, гляди в оба!
- Да не суйся ты под руку!
- Млад, поди прочь!
- Бей его!

Напряженно переругиваясь, мужики окружали зверя, который, истекая кровью, бросался то сюда, то туда, однако же, напорвшись на выставленные острия, отворачивал и снова начинал метаться в сужающемся кольце. А те перешли в наступление, и мишка, вяло отмахиваясь передними лапами, лишь жалобно выл, то пытаясь вырвать из кровоточащей раны обломок деревяшки, то поднимая морду и скаля зубы на окруживших его охотников. По всему было видно, что удар Милована оказался роковым для животного и тот стремительно теряет силы. Поняв это, бородач бросился на помощь раненому. Впрочем, тот уже притих, и теперь лишь конвульсии проходили по окровавленному телу.

Пришел в себя и Булыцкий, до этого наблюдавший за разворачивавшимся действием, словно во сне. Бросившись к пострадавшему, замер, едва лишь увидев рану: медведь вспорол мужчине живот и успел разворошить внутренности, прежде чем подоспела подмога. Бедняга умирал. Было видно, то его уже не спасти, даже будь сию минуту рядом аптечка Булыцкого. Шанс один из ста, да и то если подмога подоспеет в ближайшие же секунды.

– Телефон у кого?! – все еще уверенный в версии розыгрыша, проорал он на скорбно стягивавших головные уборы мужиков. – Быстрее, ну! Быстрее же! – сев рядом с умирающим и стараясь не глядеть на разбросанные по снегу внутренности, тот приподнял голову Третьяка. – Да что вы стоите столбами?! – стянув куртку и свернув ее наподобие подушки, он подложил ее под косматую голову и поднялся на ноги, ожидая, что хотя бы один человек, но судорожно набирает номер телефона спасения.

– Не шуми, чужеродец. Бога не гневи; дай душе уйти.

– Чего? Сто двенадцать – экстренный вызов!

– Уйди, чужеродец. Не мешай, – скорбно отвечал Калина.

– Что вы? – попятился он назад, но, оступившись, грузно приземлился в сугроб. – «Скорою»! Кто-нибудь. Он же... Он... Да что за цирк?! – глядя в отрешенные лица мужиков, проорал тот. Затем, чертыхнувшись, принялся судорожно хлопать по карманам, выискивая мобильник. – Ну что вы как истуканы?! Звоните! МЧС, «Скорая», полиция!!! Да сделайте же что-нибудь! – он ринулся к Миловану и, схватив того за грудки, проорал прямо в лицо: – Ну что вы стоите?! Он же умирает!!!

– Оставь, чужеродец, – выдохнул тот в ответ. – Знать, воля Божья.

– Боже мой, – разжав кулаки, Булыцкий сполз на обгаренный кровью снег и затрясся в беззвучном плаче.

Все остальное он помнил с трудом: как добрался до землянки, как, не раздеваясь, бухнулся на топчан. Как шарахнул разрядом подоспевшего помочь Милована. Как поднимал оглушенного мужика и, путаясь, пытался объяснить принцип действия электрошокера. Как самого шандарахнуло... Как отказывался принимать назад куртку, что под голову Третьяку подкладывал. Как только-только пришедшее в себя после болезни тело вновь затрясло в горячке.

Впрочем, в этот раз он не слег. То был просто шок. Шок от осознания того, что ни фи́га это не розыгрыш никакой, а самый настоящий другой мир. Мир прошлого. Да, да. Самого что ни на есть реального. Настоящее прошлое, как бы ни банально это звучало.

Мир рухнул. Николай Сергеевич ушел в себя и теперь чурался общения с обитателями деревеньки. И хоть чувствовал он себя теперь намного лучше, его это мало радовало: что с того, раз он все равно незнамо где и непонятно что тут делает. Дотянуть бы до лета, а там будь что будет.

– Городской ты, чужеродец, – подсел как-то к нему Милован. – К князю тебе надобно бы.

– К какому князю? – вяло поинтересовался тот.

– Наш князь – Дмитрий Иванович, – важно отвечал тот. – Хотя и к Ольгердовичам можно. За ними тоже – сила.

– А что мне князь? И я ему что? – отрешенно поинтересовался мужчина.

– Как что? – удивился бородач. – Расскажешь ему про диковины свои. Про грядущее... Ты же сам сказывал поперву: из грядущего. Или путаю что я? Ты вон и чудные вещи глаголешь, не всякому понять. Не всякому и принять, – помолчав, добавил он. – И не архангел ты, хоть и с мечом огненным... И не князь, и не боярин... И не пустобрех, – задумавшись, закончил тот.

– На том спасибо, – невесело ухмыльнулся в ответ Булыцкий. – Я много чего сказывал, так для всех то – рассказы. Или не так называли все рассказы мои? И чужеродцем прозвали меня. А тут – на тебе: из грядущего. Поверил, что ли?

– Ну так, – согласился мужик. – Поверил. Душевный ты да ладный. Хоть и с мечом огненным да диковинами, а от человека в тебе уж слишком много. Грешен ты, что и я и все остальные. Не может быть архангел грешником. Да и чужеродец – вряд ли. Так что правда в словах твоих, а не в их.

– А тебе какая беда?

– Мне? – Задумавшись, Милован наконец негромко ответил: – Знал я человечешку одного. Так посмотреть на него – тьфу человек. В чем дух держался, непонятно – тощий, сухой. Кореньями питался да травками всякими. С птицами все разговаривал и молитвы какие-то свои читал. Его тоже все юродивым за глаза звали... Целителем был он, – со вздохом продолжил тот. – Все пытался поучать, какая травка хворь какую лечит, молитва какая что правит. А еще талдычил, что все тело человеческое – что княжество доброе. Коли в части одной все не слава богу, то и в другую лихо приходит. Коли у князя на уме что недоброе, так и беды жди для всех. Вот и тут: мысли худые, так и хвори тебе – пожалуйста. Так на тебя посмотрит раз и как на духу расскажет, что неладно да как поправить. И правили, да не думаячи совсем.

Не слушали тогда его особенно. Он-то про любовь и доброту говорил, а нам все попусту было. Чего лихим²¹ печалиться почем зря? Раны да хвори залечивает, и то ладно, – с горечью закончил тот. – Ему бы в Белокаменную, душ бы сколько спас! А так помер ни за грош. Уж и не найдешь, где схоронен.

– Ты, – после продолжительного молчания продолжил он, – сдается мне, не пустобрех. А раз вещи чудные рассказываешь да диковины показываешь, так тебе дорога прямая к князю. Московия вон крылья расправляет. Люди толковые нужны.

– Так князь меня и принял, – горько усмехнулся в ответ тот. – К князю с дарами ходят, а не с пустыми руками.

– Так твои диковины чем не дары?! – так же искренне поразился его собеседник.

Булыцкий уставился на мужика так, словно бы впервые в жизни увидел его. В голове молнией пролетела сумасшедшая мысль. Разве что и осталось узнать, какой год нынче.

– А ведь и прав ты, – живо кивнул он головой. – Но помоги мне, мил человек. Что же я рассказывать буду князю, если даже год не знаю на дворе какой? Расскажи мне, что на дворе происходит.

– Время, – статно прогудел в ответ тот. – Московии время... Сильная крепость, Кремль белокаменный. Но и время беспокойное. Много всяких, не щадят друг друга. И князь не щадит.

– Дмитрий Иванович?

– Верно.

– Беспокойное время?

²¹ Лихие – обозначение профессиональных преступников, в том числе неоднократно совершавших преступления.

– Мама²² побили только вот. Рязанского княжича побили, с новгородцами условились, да литовцы только уgomонились...

– Мамай, рязанский княжич... – Николай Сергеевич уставился на говорившего. – Еще что?

– Сеча Куликовская недалече была. Летом прошлым. Побили ордынцев. Князя Дмитрия Ивановича Сергей Радонежский на сечу ту благословил, – важно добавил тот.

– Сеча? Прошлым летом? – живо встрепенулся пенсионер. – А про Тохтамыша кто слыхивал?

– Тохтамыш? – Милован лишь покачал головой. – Может, и слыхивал кто, да не про наши уши слух тот.

Булыцкий крепко задумался. Выходит, что и правда занесло его в далекое прошлое, в год между Куликовской битвой и нашествием Тохтамыша на Москву. А раз так, то... у Булыцкого закружилась голова от одной только мысли об открывшихся ему перспективах! Ему, обычному преподавателю и с недавних пор пенсионеру, неведомо за какие заслуги шанс выпал изменить весь ход истории России, а быть может, и всего мира! Только подумать: предупредить князя о надвигающейся беде! Отвести удар и сохранить Москву! Десятки тысяч спасенных только жителей столицы. А по окрестным городам сколько полегло да в плен взято, так никто и не считал!

– Послушай меня, Милован, – собравшись с духом, начал Булыцкий, – мне очень нужна твоя помощь. Я могу рассчитывать на тебя?

– Человек предполагает, Бог располагает, – простодушно отвечал тот.

– На Москву беда идет большая. Скоро уже, но я могу ее упредить: рассказать, показать, обучить.

– Беда?

– Не веришь?

– Тебе верю, – чуть подумав, согласился тот.

– Поможешь?

– Помогу.

– Проведи к князю. Переговорить с ним надо да рассказать о беде грядущей.

Милован задумался.

– Не можешь, значит? – раздосадованно бросил пенсионер.

– Отчего же не помогу, – отвечал тот. – Да слова мне твои припомнились: не будет тебя князь слушать. А то и в поруб кинет, как смутьяна, или, того хуже, на кол посадить велит.

– И что делать? – голос Булыцкого упал.

– К старцу, в монастырь Троицкий надобно бы тебе сперва. Князь его речам больше поверит, чем твоим да моим, вместе взятым. Да и примет тебя Сергей, а к Дмитрию и не дойдешь, может. Там своих шельм²³ хватает. Непокойно нынче. А Сергей Радонежский если примет, так выслушает. А как выслушает, так, Бог даст, поверит да слово замолвит.

– Расскажи, как дойти.

– А со зверем диким не боишься повстречаться? Или на меч свой огненный уповаешь?

– Боюсь, – вспомнив растерзанного Третьяка, вздрогнул тот. – И на меч не уповаю... Нет в нем силы прежней. – Задумавшись, он замолчал. – Но еще больше беду грядущую допустить боюсь, – вздрогнув, словно бы проснувшись, закончил тот.

– Оно бы лучше лета дожидаться, – мрачно сплюнул мужик, – медведи, конечно, проснутся, но так и живности поболее будет. Нынче зима лютая. Голодная. Зверье вон из лесу выходит.

²² Имеется в виду Куликовская битва.

²³ Шельма – 1. разг. – ловкий, хитрый человек; 2. прост. – нечестный человек; мошенник, плут, пройдоха.

– Не могу до лета ждать, – выдохнул Булыцкий. – Падет Москва. Тохтамыш сожжет. Объяснишь, как дойти?

– Проведу, – мрачно отвечал тот.

Еще через дюжину²⁴ дней пришелец почувствовал себя настолько здоровым и отдохнувшим, что решил выходить. По меркам современным расстояние не бог весть какое: Краснознаменск – Сергиев Посад. Чуть больше тридцати километров, но по меркам того времени... Впрочем, ждать весны пенсионер тоже не хотел. Ну, во-первых, сама идея провести несколько месяцев в этой всеми богами забытой деревеньке вгоняла в тоску, а длинные тягостные вечера, перетекающие от его публичных выступлений к заунывным запевам хозяев... Нет, это было выше сил Булыцкого. Все-таки, несмотря на свой уже почти почтенный возраст, Николай Сергеевич просто клокотал энергией и был охоч до всякого рода движений, будь то исторический поход со школьниками или организация генеральной уборки в школе.

А во-вторых, и это самое главное, его буквально грызли изнутри сомнения на предмет самого времени, в которое занесла его судьба. Ведь если все было именно так, как он предполагал, то буквально через несколько месяцев беда великая на Москву обрушиться должна была, от последствий которой еще долго потом княжеству оправляться придется.

В общем, едва набравшись сил, Булыцкий и Милован, раскланявшись с хозяевами и нацепив лыжи, двинулись в путь.

Выходили, едва лишь солнце осторожно выглянуло из-за горизонта, щедро разлив по макушкам деревьев горящую позолоту. Холодный воздух стянул кожу на лице, склеил ноздри и резанул по легким, да так, что Булыцкий с непривычки зашелся в натужном кашле.

– Не робей, чужеродец, – подбодрил его Милован. – Даст Бог, дойдем! Путь торговый рядом. Глядишь, и людей добрых повстречаем, – поправляя вечно сопровождавший его лук, бросил он. – А нет, так и с лихими сладим! – закашлявшись, продолжил тот.

Взгромоздившись на лыжи с непривычными креплениями, пенсионер покорно двинулся вслед мерно шагающему Миловану. Морозило. Крепко. Так, что приходилось идти не торопясь и почти статно. Поначалу рисовавший картины едва ли не марш-броска протяженностью в один, ну максимум полтора дня, Николай Сергеевич теперь лишь посмеивался над собственной самонадеянностью. Наглотаться обжигающе холодного воздуха, чтобы слечь посреди лесов (вот удивятся потомки в далеком две тысячи четырнадцатом году, когда вдруг при раскопках обнаружат доисторический айфон, магнитный бейдж да пластиковые застёжки-молнии с едва заметной гравировкой: Made in China. А еще забавнее получится, если его же поисковый отряд и найдет. Они, помнится, позапрошлого лето с ребятней именно здесь поисками и занимались. Собственную могилу отыскать возрастом в семь столетий, вот жуть! А какая реклама из глубины веков!). Нет, это точно не входило в планы пришельца!

Милован, то и дело кашляя, брел, по обыкновению своему, молча, и Булыцкий решил не отвлекать его, полностью сосредоточившись на дороге, дивясь знанию пути своего сопровождающего. Его непривычному глазу все вокруг одинаково было, а бородач знай вышагивал вперед, время от времени чуть меняя курс да натужно откашливаясь. Да в общем-то и не хотелось по морозу такому глотку рвать, пытаюсь докричаться до мужика. Застудишь, чего доброго, себя или еще хуже – и без того вечно дохающего товарища, вот тебе и конец в снегах этих непролазных. Так и прошел первый день их путешествия, выведший путников на плотно укатанный полозьями путь. Быстро сориентировавшийся в пространстве Милован махнул рукой, указывая направление.

²⁴ Дюжина – мера поштучного счета однородных предметов, равная 12.

– Ну не собьемся теперь. А даст Бог, люд торговый повстречаем. Пошли, – махнул он рукой, выходя на дорогу.

Пенсионер с готовностью пошагал следом. Впрочем, в этот день им не повезло: дорога словно повымерла. Ни одного попутного обоза так и не повстречали. Все больше навстречу.

Гремя бубенцами, небольшие черные косматые лошаденки уныло тащили деревянные сани, подобно змеям огнедышащим выплевывая клубы пара. Останавливаясь на несколько мгновений, чтобы перекинуться парой-тройкой слов с купцами, провожатый снова двигался в путь. Остановились, когда уже солнце коснулось верхушек елей. Милован, следуя каким-то только ему известным знакам, просто свернул с дороги и углубился в чащу. Впрочем, ненадолго. Лес расступился, открывая раскорчеванную площадку, на которой уже потянулись в небо молодые елочки. Оглядевшись по сторонам, мужик двинул прямо к огромному сугробу, в котором преподаватель ни в жизнь бы не угадал жилое помещение.

А Милован между тем вел себя как хозяин. Отыскав дверь, он без стука распахнул ее и решительно вошел внутрь. За ним же последовал и Булыцкий. Кромешную тьму распоролли яркие всплески – то Милован, достав огниво, принялся разводить огонь. Грозные силуэты продавленной крыши да покосившихся стен вынырнули из темноты, буквально набрасываясь на визитеров, так бесцеремонно нарушивших их покой. Еще немного времени, и язычки пламени с треском набросились на предусмотрительно захваченные с собой дровишки, наполняя помещение ощущением тепла и уюта. В их неверном свете стало понятно, что землянка хоть и заброшена, но в ней, случается, кто-то останавливается. По крайней мере, у одной из стенок ютилась целая горка поленок, а подломившиеся бревна кровли кое-где были подперты или даже заменены на более свежие, чтобы остановить дальнейшие разрушения.

– Четыре зимы назад тому хозяева ушли, с тех пор люд лихой да путники останавливаются здесь.

– А чего ушли-то? – поинтересовался Булыцкий, но его сопровождающий, занятый разведением огня, не ответил.

Огонь вдохнул жизнь в покинутую землянку, наполнив ее теплом и светом. Прижавшись спина к спине, путники молча думы свои думали. Уже скоро Булыцкого сморило, и он начал клевать носом, а после и вовсе заснул. Проснулся от того, что затекли мышцы. Непривычный к тому, чтобы спать сидя, он попытался сменить положение, но заприметил, что Милован как загнипнотизированный сидит у костра, глядя прямо на пламя.

– Милован, – окликнул его старик, но тот даже не пошевелился. – Милован! – уже чуть громче позвал преподаватель.

– Чего тебе, чужеродец? – неохотно отозвался тот.

– Отдохнул бы.

– Успею, – мрачно отвечал тот, явно не желая вести беседу дальше. Булыцкий настаивать не стал. Тем более что, как ему казалось, Миловану все равно нужен собеседник, и рано или поздно тот заговорит. Оба молча сидели, глядя на огонь да слушая пение волков. – Мой дом это был. Жена, ребятишки. И ладно все было, пока людишки лихие не осмелели. При Калите²⁵, говаривают, повырезали их всех, так что сидели ниже травы тише воды... А как Богу душу отдал князь, так и осмелели. И путь для них торговый рядом, что мед сладкий. И на руку им же, что у Дмитрия Ивановича нынешнего забот не впрокорот.

Я тогда тоже в порядье²⁶ бывши с сыном боярским Аникитой. Землю пахал да жил с того. И как-то прислал за мной Аникитка, так я и в Москву поехал. А как вернулся, так и застал только что дом пустой... Лихие люди здесь местечко обжили. Я тогда руками их голыми рвать

²⁵ Иван Калита – князь Московский с 1325 г. (фактически с 1322 г.), Великий князь Владимирский (ярлык от хана в 1331 г.), князь Новгородский с 1328 по 1337 г. Князь, положивший много усилий для начала объединения русских земель.

²⁶ Порядье – система взаимоотношений между пользователем земли и крестьянином, по которой последний по сути арендует у пользователя землю, расплачиваясь выращенными продуктами или трудом на других землях (барщины еще не было).

готов был, да повременил. Сам к ним притерся: «Научите, мол, промыслу вашему». Больше года разбойничал, пока не узнал, кто души моих сгубил... Потом уже никого не пощадил. Как моих тогда не щадили.

Как с последним душегубом по квитался, побрел куда глаза глядят, да и набрел на селение Калинино. Мне чего: рукастый, смекалистый и в меру лихой. Все шутя ладилось, да вот тоска заела скоро; сидишь сиднем на одном месте. Думал лета дожидаться да в Москву податься, да тут на тебя набрел посреди чащи.

– А в столицу тебе на что?

– В дружинники пойду, – мрачно отвечал Милован. – Или к кузнечным.

– А меня зачем тогда ведешь? Москва так в другую сторону?

– Я на своем веку душ сгубил достаточно, – мрачно глядя на растекающиеся по дереву язычки пламени, отвечал тот. – Может, грешки решил замолить перед Всевышним.

На том разговор и закончился. Милован половчее поправил тлеющий в кострище пень и, поглубже закутавшись в тертый зипун²⁷, повернулся лицом к стенке. Чуть подумав, его же примеру последовал и Булыцкий. Впрочем, в этот раз заснуть не удалось. Леденящие душу волчьи молитвы отбили всякий сон. И хотя дверь была надежно подперта, непривычному к таким звукам Николаю Сергеевичу было очень не по себе; не спасали даже лежащие рядом лук, кизлярский ножичек да электрошокер. Хотя через пару часов усталость взяла свое, и мужчина погрузился в дремоту.

Проснулся и тут же почувствовал запах жареного мяса. То Милован, поднявшись раньше Булыцкого, уже успел сходить в лес и разжиться дичью.

– Просо подчистить всегда успеем, – здраво рассудил он.

Позавтракав, они двинулись в путь. Тело, отвыкшее от подобных нагрузок, да еще и толком не отдохнувшее после перехода прошлого дня и сидячей ночи, отозвалось болью в суставах да неприятной «ватностью». Так что пришлось какое-то время «раскочегариваться», прежде чем удалось выйти на вчерашний ритм. Впрочем, и Милован оказался человечным провожатым – дал время, чтобы прийти в себя.

– Ох, и крепок ты, чужеродец, – в очередной раз остановившись, чтобы дождаться спутника, усмехнулся мужик. – И мочи уже нет, а все прешь себе и прешь!

Потом, немного пообвыкшись да размявшись, Николай Сергеевич пошел чуть живее, а затем, подстроившись под ритм провожатого, начал поглядывать по сторонам. Ему и раньше доводилось бродить по окрестностям Красноармейска, и знал не понаслышке и про дремучесть, и про непроходимость лесных массивов, но такого он не видал еще никогда. Лес. Непокоримый. Нетронутый. Такой, что и солнце не всегда видать было за тяжкими кронами разлапистых елей, могучих дубов да стройных осин. Если бы не дорога торговая, то вряд ли тут было возможно найти хоть какой-то путь.

– Милован, – попытался окликнуть он мужика, но тот, видимо, выговорившись вчера, теперь топал впереди молча и лишь вечером обронил пару дежурных фраз. В этот раз повезло: ближе к ночи набрели на торговый караван, остановившийся на ночлег. Купцы, поворчав, приняли путников и даже позволили разместиться в санях. В благодарность за это Булыцкий отдал бородачу одну из диковин: связку ключей от дачи, увенчанную пластиковым брелком в виде залитого в прозрачный пластик скорпиона, что привело торговца в настоящий восторг.

²⁷ Зипун – русский кафтан без козыря (колнера, стоячего ворота). Вообще крестьянский рабочий кафтан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.